

БЪЯРГНИР ПОЖРАТЕЛЪ ГОР

18+

ФЕДОР
АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Федор Архангельский

Бьяргнир Пожиратель Гор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73997332

Бьяргнир Пожиратель Гор:

ISBN 9785517141439

Аннотация

Лейф, прозванный Корабельщиком, правит величайшим из городов Севера; он богат, могущественен, его любят подданные. Но имеет ли всё это какой-то смысл, когда горячо любимая супруга владыки с каждым днём слабеет на глазах от редкого недуга, а прошлое Лейфа мучает его кошмарами и мыслями о несвершённой мести? Мести тому, кто погубил его родичей и друзей – чудовищному змею Бьяргниру, которого в сказаниях называют не иначе как Пожирателем Гор.

Тем не менее, в один день жизнь владыки становится не столь безнадёжной. В день, когда с древними сказаниями о героях и сражениях прошлого в город прибывает Старейший из скальдов... Нет такой судьбы, какую не под силу изменить человеку. Эта повесть – о силе и слабости, отваге и трусости, непримиримости и покорности. Это сага о людях и чудовищах.

Содержание

Пролог	5
Песнь двух воронов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Федор Архангельский

Бьяргнир Пожиратель Гор

© Федор Архангельский, текст, обложка, 2024

© RUGRAM, оформление, 2024

© T8 Издательские технологии, 2024

Пролог

Сад медленно тонул в студёном сумраке осеннего вечера. Холода в этом году пришли рано, из краткой осени грозясь сразу же перерасти в крепкие морозы.

К счастью, сбор урожая подходил к концу, и большинство кораблей вернулось в родные фьорды с товарами и хорошей добычей. До того, как ляжет снег, должны были успеть, подготовиться к зимовке.

– Я привёз тебе не только бусы. На востоке мы изловили тех самых огнехвостых окуней, их уже выпустили. Теперь золотым гольцам будет не так одиноко. Погляди!

Лейф опустил на колено у края глубокой каменной чаши, жестом поманив к себе жену. Раннвейг, до того сидевшая на резной скамье под невысокой берёзой, слабо улыбнулась, подняла прикрытые веки и дрожащими пальцами подобрала полы красивого синего платья. Встав на ноги, она медленно приблизилась к мужу, осторожно опустившись подле него. Бусы, подаренные Лейфом, яркой змейкой остались лежать на присыпанной листьями скамье.

– Окунь прекрасны. Как искорки. Или... или как осенние листья. – произнесла Раннвейг, глядя на резвящихся в каменной чаше рыб, что сверкали огнём и золотом.

– Тебе нравится? – обрадовался ярл, стараясь найти в глазах своей любимой хотя бы отблеск радости жизни. – Я могу

сплавать за мраморными сомами на юг, и тогда...

– Когда я гляжу на этих рыбок, я думаю о том, какие красивые, здоровые у моего владыки могли бы быть дети. Наследники. – прошептала Раннвейг, отняв взгляд от водной глади и посмотрев в глаза мужу. – Могли бы быть...

Во взоре её смешались нежность, тоска и боль, которую не выразить словами. Улыбка на прекрасном бледном лице дрогнула. По щеке скатилась холодная слеза.

– Жена моя, о том мы уже не раз толковали. У нас будут дети. Много детей. Здоровых, крепких, красивых и мудрых, прямо как их мать! – с непоколебимой уверенностью отчеканил Лейф, пальцами мягко приподняв поникшее лицо возлюбленной.

– Не обманывайте себя, владыка. Не обманывайте меня! – едва не взмолилась дева, мелко задрожав. – Боги начертали нам иную судьбу. С ней можно лишь смириться.

В саду за длинным домом ярла повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь шелестом ветвей на ветру да плеском студёных вод. Из грозовых туч, гонимых горными ветрами, вот-вот должен был посыпаться колючей белой пылью снег.

– Бусы... огненные окуни... Вы ведь плавали не за ними, мой ярл? – шепнула Раннвейг, снова вздрогнув. – Вы опять искали для меня целебных трав? Снадобий? Ведунов?

– Нет того, что плечу человеческому не под силу. Нет такой судьбы, какую не перекроить. Вот во что я верю, Раннвейг. Не в волю богов. Не в силу случая. Лишь в человека. –

произнёс Лейф после продолжительного молчания, заметно помрачнев. – И я найду спасение от твоей хвори. Найду во что бы то ни стало!

Последние слова владыка Хродеборга, древнейшего из бургов Севера, произнёс особенно громко и ясно. Так, будто желал, чтобы в решимости его убедились и камни, и рыбы, и погружающиеся в зимний сон деревья, и горы, и сами мрачные небеса. Наклонившись, ярл мягко обнял жену и поднял её с палой листвы и камней, унося обратно в дом.

– Холодает. Не хватало ещё, чтобы ты простыла. – вымолвил Лейф, коснувшись горячими губами прохладного лба жены.

Бусы, привезённые владыкой из-за моря, остались лежать на скамье, тускло поблёскивая в небесных росчерках молний, первых вестниц надвигающейся грозы.

* * *

Раньше она всегда собирала волосы в чудесные причёски, украшая их янтарём, цветами и серебряными пластинками, которые дарил ей муж. Пуще всего ярлу нравилась коса: длинная, отливающая золотом в свете огня, луны и солнца, спадающая по плечам и спине гораздо ниже пояса... Ранвейг никогда не подпускала к своим косам служанок. Густую золотую пряжу волос она чесала собственными руками, вооружившись прекрасным гребнем из оленьего рога, который

в день свадьбы ей подарил Лейф.

С начала осени ярлскому подтачивала болезнь. День за днём она худела, бледнела и слабела, а разговоры давались ей всё с бóльшим трудом. Раннвейг стала быстро уставать, мысли её порою путались, и ко сну она отходила раньше всех в длинном доме. Но самой пугающей переменной в супруге ярла было то, что она не могла больше заплетать свои чудесные косы. Сил у прекраснейшей из дев Хродеборга хватало лишь на то, чтобы расчесать дивные пряди и кое-как разбросать их по плечам и спине. Нет, золотые волны волос не потускнели от хвори. Однако их беспорядочный шквал вселял тревогу в сердце ярла. Какое-то время он пытался помогать жене с причёсками, однако из этого не вышло ничего путного, и владыка бросил затею. Тревога, впрочем, никуда не делась.

Вот и сейчас Раннвейг, дочь Олафа Домоправителя, полулежала на возвышении из тканых подушек. Поток золотых нитей рассыпались по подушкам её волосы. Лицо девушки, несмотря на мягкий и тёплый свет очага и нескольких восковых светильников, было бледным, точно луна. Крупные глаза, блестевшие то ли из-за всполохов огня, то ли из-за собравшейся в них влаги, постоянно щурились, хотя света в покоях было предостаточно – гораздо больше, чем в остальных помещениях длинного дома. Посиневшие от холода осеннего сада губы захворавшей красавицы подрагивали, равно как и длинные тонкие пальцы, которыми она неуверенно держала иглу и нить. Раннвейг с самой свадьбы

вышивала чудесной красоты синий гобелен, на котором были изображены они с мужем в окружении множества домов, жителей и кораблей Хродеборга. Особенно много было ладей – Лейф, прозванный Корабельщиком, всегда гордился тем, что смог вернуть своему двору могущественный флот, сгинувший прежде в море во времена его деда, Хемминга Дубового Ярла.

Работа над гобеленом шла всё медленнее и медленнее по мере того, как в теле златовласой владычицы крепла неведомая хворь, ослабляя её саму. Тем не менее, вышивание было одним из немногих занятий, благодаря которым Раннвейг могла отвлечься и хотя бы какое-то время не думать о судьбе, о себе и о муже, о Хродеборге. Чаще всего, конечно, ярлско-на обращалась мыслями к своему любимому – она ясно видела, как некогда жизнерадостный и щедрый ярл с каждым днём становится всё мрачнее и несчастнее, даже во снах выискивая способы облегчить участь своей супруги.

Ради неё он рыскал по всему Северу в поисках редких целебных трав и мхов. Ради её спасения избородил Корабельщик моря по всем четырём сторонам света. Не было счёта тем ведунам, знахарям, травникам и целителям, которые приглашались в длинный дом в надежде, что кто-то из них сможет одолеть недуг владычицы. Напрасно. Всё было напрасно. Раннвейг медленно угасала, как гаснет свеча, превращаясь в огарок и в конечном счёте лишаясь своего пламени. Болезнь была неумолима.

– Скоро я отправлюсь на восток, к Цветущим Фьордам. Говорят, там зимуют киты, на чьих спинах растут удивительной силы морские травы. – сонно пробормотал ярл, разморённый жаром очага; он сидел неподалёку от постели в кресле, высеченном из целого пня. – Горсть такой травы – и...

– Мой владыка... Мой владыка, вам пора найти себе новую ярлскону. – прошептала Раннвейг, не дослушав, отложив шитьё так стремительно, словно оно само выпало из её ослабевших пальцев.

Лейф, моргнув несколько раз, приподнялся в кресле и обернулся на слова возлюбленной. Так, словно ему в дрёме почудилось что-то совершенно небывалое. То, во что никак не хотелось верить.

– Новую ярлскону, – повторила Раннвейг, – ту, что сможет править вместе с вами. Подарить наследников. Здоровую и...

– Замолчи. – надломленно и глухо, точно треснувший боевой горн, перебил ярл, медленно поднявшись с кресла. – Замолчи, жена моя. Прошу тебя. Знаешь ведь, как больно мне слышать то, что ты говоришь. Раз за разом, раз за разом... Не могу. Не могу слушать это!

От дремоты не осталось и следа. Лейф побледнел, а затем как-то сразу помрачнел, потемнел, как темнеет речное дно, когда поверхность сковывает толстым слоем льда. Раннвейг хотела добавить что-то ещё, но ярл остановил её решительным жестом, разочарованно покачал головой. Продолжать этот разговор, к которому супруга склоняла его каждый

вечер, каждое утро, ему, очевидно, не хотелось. Накинув на плечи красивый плащ из тёмной шерсти и заколов его золотой иглой на плече, владыка из рода Харовингов отвёл широкой ладонью тяжёлый ковёр, свисавший от потолка до пола и отделявший спальню Лейфа и Раннвейг от остального чертога. Миг спустя ярлскона осталась в покоях одна.

* * *

Нет, не впервые слышал ярл ранившие его слова. Уже много раз предлагала Раннвейг найти ей замену. И всякий раз владыка терялся, прекращал разговор и старался уйти от жалящих сердце речей: прочь, повыше в горы, подальше в лес, поглубже в моря и фьорды. Куда угодно, лишь бы не оставаться под тяжёлым, обречённым взором любимой. В иное время Лейф был рассудителен, словно мудрый ворон, и непоколебим, точно скала на берегу, о которую бьются валы, рассыпаясь пеной. Однако мрачные разговоры угнетённой болезнью жены сбивали могучего ярла с ног так же, как шквалистый ветер срывает последние листья с деревьев.

Предложения Раннвейг о поиске новой ярлсконы и её рассуждения о судьбе нешуточно печалили владыку Хродеборга. Он принимал их близко к сердцу. Расценивал как личную обиду. Ужели любовь его не стоит и ломаного медяка, коль жена полагает, что он начнёт искать новую невесту, не поборовшись за её жизнь? За жизнь дочери Олафа Домопра-

вителя? Ужели вера его в возможность исцеления любимой недостаточно велика для того, чтобы и она смогла в это поверить? Нет, нет, быть этого не может! Уж сколько холодных потоков переплыл ярл в поисках снадобья! Уж сколько людей разослал по дальним землям! Казалось, в стремление его готовы уверовать и седые ледники по ту сторону моря. Не верила лишь Раннвейг. Та, чья вера была важнее всего.

Лейф замедлил шаг лишь тогда, когда вышел за высокую бревенчатую ограду родного двора. Он ступил на извилистую тропу, каменистым полозом убегающую ввысь, к снежным шапкам безмолвных гор, у подножия которых и кипел жизнью многолюдный Хродеборг. Каждый здесь знал, куда ведёт эта тропа. На другом конце её, высоко в горах, среди заиндевелых камней и сосен, дремало под песнь ветров древнее капище, посвящённое Каменным Богам. Ярл не верил в них, ибо в них не верили и его предки. Вытесанные из камня изваяния народ Хродеборга нашёл уже после того, как на эту землю много веков назад людей привёл по морю легендарный Хар, родоначальник правящего дома Харовингов. Хар пересёк море на спинах китов без помощи замшелых камней с грубыми лицами, отдалённо напоминающими человеческие. Великанов, троллей, китов-людоедов и прочих безобразных тварей Хар также истребил и сбросил в Ледяную Глотку, глубочайшую из морских впадин, не прося у гранитных идиолов снисхождения. Лишь через несколько веков после смерти героя люди забыли о своих силах и зара-

зились малодушием настолько, что стали бить поклоны безмолвным глыбам в надежде на благодать. На подачку, что упадёт с небес.

Ярл не любил эту тропу. Ярл не любил Каменных Богов. Ярл не любил слабость. Однако он был достаточно благоразумен для того, чтобы сознавать: многие в Хродеборге верят в этих истуканов, в их чудодейственную силу и милостивый взор. И если он их низринет, то не добьётся ничего, кроме затаённой подданными ненависти. Об этом Лейф размышлял до того, как недуг поразил его жену. С начала осени о богах и отношении к ним своего народа владыка Хродеборга и не задумывался.

Теперь же он медленно поднимался вверх по тропе под страдальческие завывания ветра в горных расщелинах. Время от времени ярл прихлёбывал из бычьего рога, наполненного ореховым мёдом, что хранился в кожаной фляге за спиной. Напиток хоть как-то горячил его кровь, которая, казалось, совсем остыла после разговора с женой. На сердце было так же тяжело, как и под облаками: Лейф то и дело останавливался, прислоняясь к скалам, чтобы собраться с мыслями и ещё раз взглянуть на небо. Ветер гнал тяжёлые грозовые тучи из-за гор к морю точно так же, как холодный чёрный поток ворочает булыжники на дне стремительной реки.

Вскоре на пути ярла то тут, то там стали возникать каирны. Одни были повыше, другие пониже. Некоторые состояли всего из трёх-четырёх камней, другие же были затей-

ливо сложены из устремляющихся ввысь разноцветных булыжников или же каменных пластин, устойчиво покоящихся друг на друге. Жители Хродеборга верили, что сложенный на Тропе Богов каирн и вознесённая идолам молитва сотворят чудо: принесут богатство в дом, порадуют семью рождением ребёнка, наполнят сети жирной рыбой, а борти – мёдом, скот сделают тучным, уберегут от пожаров и штормов, помогут в болезни, в здравии и в любви... У некоторых каменных груд были возложены цветы, хлеб или иные угощения, миски со следами жертвенной крови.

У Лейфа это зрелище не вызывало ничего, кроме мрачной кривой улыбки.

Чем выше поднимался Корабельщик, тем недружелюбнее становились давящие на него бивни скал, и тем крепче – ветер. Наконец, вырвался из туч, закружился белым вихрем сухой, мелкий и колючий, словно песок, снег. Он сёк и жалил лицо ярла, будто летящие осколки стекла, искры или рой хищных насекомых, однако и на это владыка не обращал никакого внимания. Единственное, что вывело Лейфа из угрюмой задумчивости – это падение. Оступившись, выронив из рук медовый рог, к которому ярл в последнее время припадал чересчур часто, он не рухнул в пропасть лишь благодаря тому, что руками и плащом уцепился за кривой иссиня-серый ствол горной сосны. Старое сухое дерево болезненно застонало под весом Лейфа, прогнулось, словно размышляя, переломиться ли ему или продолжить коротать свой век на

открытой всем ветрам отвесной скале.

«Насколько же легче было б ярлу Хродеборга, коль его жена... — мелькнула мысль в тяжёлой голове, откуда постепенно выветривался хмельной туман; оглядев зияющую под его ногами пропасть, ярл невольно прикрыл искусанные снежной крупой веки. — ...цеплялась бы за жизнь так же крепко, как он сейчас держится за этот хлипкий ствол».

Фыркнув в густую бороду, собранную в серебряное кольцо и уже успевшую покрыться инеем, Лейф медленно подтянулся, нащупал твёрдую землю и вернулся на тропу, расправляя плащ и отряхивая одежду от налипшего снега и сосновой хвои. Ярл наклонился, и в сгущающихся сумерках среди камней ему всё же удалось отыскать любимый рог, пускай мёд из него и напоил здешние булыжники. Скверно было бы оставить такую добрую посудину в столь неприятном месте.

* * *

Оставшийся путь потомок Хара преодолел без каких-либо злоключений. Поднявшись по обледенелым каменным ступеням и оказавшись в круге древнего капища, где, казалось, тише старались дуть и сами ветра, Лейф невольно припал на одно колено, склонив голову. Нет, не молчаливым богам бил поклон властитель Хродеборга. Он стоял перед аккуратной сложенной башенкой из белого камня, возведённой в самом центре капища. Этот каирн отличался от других, ибо

сложила его Раннвейг. Ещё тогда, когда болезнь не лишила её сил окончательно, ярлскона ходила на берег фьорда, собирала обкатанные холодным морем камни и относила их сюда, на вершину, где медленно собирала эту красивую пирамидку. С тем же усердием, с каким она шила гобелен для своего мужа.

Ярлскона верила, что лишь богам под силу помочь ей, переплести нити судьбы своими могучими каменными руками, развязать узлы. Но то ли боги не слышали молитв юной владычицы, то ли не был им мил белокаменный каирн, то ли гранитные пальцы истуканов оказались слишком грубы для того, чтобы управиться с путанной пряжей людского жребия.

Несмотря на это, в могущество горных божков свято верила не только лишь Раннвейг. Основание каирна, сложенного её бледными руками, было укрыто цветами, жертвенной пищей и драгоценностями пуще любого другого на всём пути. Народ Хродеборга и всех окрестных селений горячо любил свою ярлскону, и это место, где за её здоровье ежедневно возносились десятки молитв, было тому подтверждением.

Вот, что заставило Лейфа Корабельщика, сына Кьётви Землепашца, внука Хемминга Дубового Ярла, преклонить колени, касаясь ледяных плит.

Каменные Боги обступили его, хмуро взирая на ярла из-под нависших бровей, густо заросших белым и бурым лишайником. В их глубоких и совершенно пустых глазницах одинокий гость капища не мог разглядеть ничего, кроме сты-

лости и смерти. Изваяния эти больше напоминали Лейфу истёртые черепа великанов, нежели лица, хоть сколько-нибудь уподобленные человеческим. Может быть, так оно и есть? Может, на этой гиблой вершине покоятся останки злобных исполинов, а не личины древних божеств? Да и что, в сущности, мешает божествам быть злобными?..

– Я пришёл сюда, потому что знаю, что вас нет. – изрёк Лейф, поднимаясь с колен и обращая свой взор на покосившихся перед ним истуканов. – Вы мертвы. И посему я могу сказать вам всё, что вздумается. Всё, о чём молчу у себя дома.

Вновь наполнив рог из фляги, ярл расположился на продолговатом плоском камне, напоминающем корабельную скамью. Судя по тёмным пятнам на его изъеденной льдами и ветрами поверхности, когда-то он служил для жертвоприношений, хотя пятна эти вполне могли оказаться вгрызшейся в камень плесенью. Лейфа это нисколько не заботило. Важно для него было лишь то, что с этого места он мог видеть всех Каменных Богов, толпящихся пред ним, точно бонды перед законоговорителем на тинге. А дальше, за их спинами, далеко внизу беспокойно вздымалось, подобно рыбьим бокам, тёмное и студёное море, яростно сшибая друг с другом льдины, скользящие по его пенящейся поверхности.

– Я валил лес, который посадил мой дед, и строил ладьи, побывавшие во всех морях, известных роду людскому. – начал ярл после нескольких глотков мёда, оставлявших на язы-

ке тягучий вкус перетёртых лесных орехов. – Я огораживал и приумножал пашни, о которых так пёкся мой отец. Я...

Капище залил чистый и холодный белый свет, а через несколько мгновений его настигли далёкие раскаты грома, подобные рокоту китовой утробы. Налетевший ветер растрепал плащ и тёмные волосы ярла, собранные на затылке в короткую тугую косу.

– ...разил хищных рыб, разорвавших фьорды и губивших мой народ, и строил палаты, которых не устыдился бы и сам Хар со своей дружиной! – продолжил Лейф невозмутимо, как только стихли отголоски грома. – Но её недуг... Её недуг я одолеть не в силах. Нет ничего, что приводило бы меня в бóльший гнев, чем моя беспомощность. Кого? Кого мне проклинать за то, что любовь моя гибнет, а я не в силах что-либо с этим сделать?

Небеса вновь озарили молнии и потряс гром, однако на этот раз тучи, горы и беснующееся море содрогались вдвое дольше прежнего. Где-то вдали, судя по яростному ледяному треску и грохоту сорвавшихся камней, двинулась вершина ледника и сошла лавина.

– Что это? – усмехнулся Лейф, закутавшись в плащ. – Мёртвые боги гневаются? Напрасна ваша ярость, пустоглазые. Хоть в чём-то мы с вами подобны. В глазах людей вы так же могучи, как и я. И так же беспомощны на деле!

Внезапно ветер подул с такой силой, что ярл перевалился через камень, на котором сидел, и упал на спину, распластав

руки. Подняться он не успел, ведь глаза его оказались прикованы к беспокойному небу. Тучи, прежде жавшиеся друг к другу, словно сбитые штормом в кучу корабли, вдруг зашевелились, загорелись ослепительным белым огнём, стали расползаться в стороны, как занявшийся от свечи пергамент. Из пылающих молниями дыр в небе, будто из земляной норы, показалось чудовищных размеров змеиное тело, длину которого было сложно вообразить. Пляшущие кольца, покрытые сотнями тысяч чешуек, телепающийся язык, длинные лезвия торчащих из необъятного зёва ядовитых клыков – всё это было соткано из холодного пламени и молний, ярких настолько, что режущая глаза боль отдавалась глубоко в затылке. Издав высокий прерывистый крик, до жути напоминающий человеческий, змей вырвался из плена грозовых облаков и стремительно заскользил в сторону лежащего посреди капища ярла. Ветер прижал Лейфа к каменным плитам, не давая не то что ногой или рукой пошевелить, но даже вздохнуть. Слезящимися глазами Корабельщик вынужден был наблюдать за тем, как чудовище неумолимо приближается к нему, разинув полную зубов-молний пасть.

– Бьяргнир Пожиратель Гор... – только и смог прохрипеть Лейф, чуть приподняв голову.

– Ты умрёшь... Умрёшь. Умрёшь!

Одно и то же слово шипело, рычало и скрипело, вгрызаясь в череп обездвиженного владыки хуже любой стрелы. Глаза от близости змея застлал белый туман. В этот миг раздал-

ся оглушительный гром, от которого Ярл лишился чувств, и прямо в капище ударила третья молния, расколов надвое самого высокого из Каменных Богов.

* * *

– Ярл! Ярл! Во имя Харовых кулаков... Жив он хоть?.. Ярл!

– Кх-кх... ох...

Лейф застонал, насилию раскрыл глаза. Ресницы смёрзлись, разлепить их оказалось непросто, и как только у Корабельщика это получилось, он тут же вновь зажмурился от боли. Пред очами плясали разноцветные круги, в животе штормило, а тело прескверно ныло от холода. Сколько владыка Хродеборга пролежал так на стылых глыбах капища? Несколько мгновений? Минут? Часов? Как бы то ни было, и его, и расколотое ударом молнии гранитное божество уже успело порядочно занести снегом.

Попытавшись пошевелить пальцами на руках и ногах, ярл с облегчением обнаружил, что, к счастью, ничего не успел отморозить. Приоткрыв глаза во второй раз, Лейф сквозь плывущий туман уставился на тёмную фигуру в плаще, трясущую его за плечо и сбрызгивающую лицо чем-то жгучим. Судя по запаху – настойкой терпкой облепихи, которую на Севере использовали для быстрого разогрева и растираний.

– Кто... кто ты? – выдавил из себя Корабельщик.

– Жив... – раздался не то облегчённый, не то напуганный вздох со стороны фигуры в плаще. – Это я, Торир. Уж думал, что тебя молнией пришибло. Вот счастья-то привалило!

Мужчина с длинной золотой бородой и волосами, черты которого Лейф теперь мог различить уже гораздо лучше, помог своему владыке приподняться и сесть, прислонив ярла спиной к поверхности одного из идолов. Поднеся к потрескавшимся губам Лейфа пахучую фляжку, пришедший ему на помощь человек потребовал:

– Выпей, ярл.

– Торир?.. – переспросил Лейф своего воеводу, всё ещё приходя в себя, с трудом переваривая произошедшее и постепенно вникая в происходящее. – Ты как здесь?

Только после того, как Корабельщик отпил из фляги, поморщился, ощутив разливающееся по всему нутру жидкое пламя облепили, воевода ответил:

– Бабы, когда овец гнали, увидали, что ты в горы стопы свои бестолковые направил. Кто в такой буран по горам шляется? И что ты, ярл, среди этих валунов позабыл? Жизнь вдруг немила стала?

– Неважно. – отмахнулся Лейф, взяв фляжку в замёрзшие пальцы и следующий глоток сделав уже самостоятельно. – Так ты, выходит, тут же за мной увязался? Решил своего ярла не оставлять на растерзание мхам и камням?

– Судя по твоему виду, мхи и камни в самом деле чуть не оставили Хродеборг без властителя!

Корабельщик ничего не ответил на этот упрёк, ясно вспомнив, как прямо на него, сорвавшись с грозовых туч, нёсся чудовищный змей. Змей, имя которого он знал наверняка. Змей, пожравший все корабли Хемминга Дубового Ярла вместе с ним самим три десятка зим назад. Воспоминания словно вышибли из Лейфа тепло, которое подарила ему пахнувшая облепихой фляжка.

– Но я здесь не только для того, чтобы тебя от льдов отскребать и со скал стаскивать. – прервал затянувшееся молчание Торир, и голос его прозвучал как-то иначе: возбуждённо, взволнованно. – В Хродеборг пожаловал Хакон. После стольких лет, чтоб его.

– Хакон? Хакон Красноуст? – удивился Лейф не на шутку.

– Он самый. Старейший из скальдов. – закивал головой воевода. – Но это ещё не всё.

– Что стряслось? Говори же!

– Прошла весть, – замялся Торир, обычно прямолинейный, как стрела, – что этот седой стервятник знает, как помочь Раннвейг.

Песнь двух воронов

Рваные, торопливые шаги нарушали сонный покой тропы, вьющейся под гору. Вернейший из ратников Хродеборга, – если не всего Севера! – Торир-воевода, при всём своём здоровье и воистину медвежьей силе едва-едва поспевал за ярлом, несущимся к стенам родного двора быстрее ветра. Лейф, прозванный Корабельщиком, даже не оборачивался на пыхтящего и сопящего у него за спиной товарища. Он ступал по камням и мёрзлой земле так быстро, будто от этого зависела его собственная жизнь.

Нет-нет... Сейчас на кону то, что было ему дороже собственной жизни.

– Он уже в длинном доме? – отрывисто бросил ярл через плечо, на котором трепыхался, едва не срываясь, плащ.

– Когда я пёрся за тобой на эту великанью сопку, – недовольно пробурчал выбившийся из сил воевода, – он ещё куковал на пристани, как неприкаянный баклан.

– Хакон будет ждать, покуда его не встретит сам ярл. Не встретит достойно! – понимающе кивнул Лейф, не сбавляя шаг. – Хорошо, что ты сразу пошёл за мной. Негоже, ха, заставлять такого именитого гостя морозить кости у причала!

Весть о прибытии в Хродеборг Хакона Красноуста, которого людская молва совершенно справедливо окрестила Старейшим из скальдов, взбудоражила едва не замёрзшего

на древнем капище ярла. Мысли о жутком видении, сотканном из молний, разом вылетели из головы. Исчезли в тумане и мрачные гранитные изваяния, почитаемые за богов. Ум властителя теперь цеплялся за один-единственный слух, пересказанный ему воеводой. . .

По правде сказать, последние несколько лет судьба старого сказителя Лейфа совсем не заботила. После того, как Хакон Красноуст, баявший древние песни и саги ещё при дворе его деда, Хемминга, ослеп на оба глаза от корпения над свитками, пергаменатами и руническими камнями, а после устроил знатную склоку прямо в доме у самого Корабельщика, скальд добровольно удалился на покой на отдалённый остров к востоку от Хродеборга, взяв с ярла слово содержать его до самой кончины. Тогда владыке было гораздо проще избавиться от сварливого старика именно таким способом – откупившись. Так Лейф и поступил. Раз в две недели он отправлял на остров к Хакону какой-нибудь подарок, еду, выпивку, одежду и прочие необходимые для спокойной и безбедной старческой жизни вещи, не забывая уверять Красноуста, что весь Хродеборг тоскует по его песням, и жители рады хотя бы таким образом показать слепому старику свою любовь, заботу, вечное уважение и добрую память.

На самом же деле всё было несколько иначе. Сказитель, хоть и отличался славным голосом, необыкновенной памятью и, определённо, талантом истинного скальда, в то же время запомнился всем как человек крайне склочный, мсти-

тельный, желчный и бесцеремонный, обладающий крутым нравом и острым языком, способным каждого, будь то простой землепашец или же именитый дружинник, извалить в грязи. Слава и память в Хродеборге были важней оружия и могущественнее богов. А песни Хакона быстро расползались по всем сторонам света и хорошо запоминались. Порой даже слишком хорошо. С человеком, которого охаял Красноуст, никто не желал вести дел. От жён, обвинённых скальдом в распутстве и злонравии, отворачивались мужья.

Именно поэтому, когда мерзкий старик ослеп, начал бунить, а после оставил двор, все сочли это божественным вмешательством и вздохнули с облегчением. Именно поэтому юные скальды, отправлявшиеся на далёкий остров, дабы стать учениками Хакона, не могли продержаться там более трёх ночей. Именно поэтому весть о прибытии Красноуста не вызывала у Лейфа никаких тёплых чувств.

Совсем другое волновало его, гнало вперёд, толкало в спину. К пристани, туда, где покачивались мачты кораблей, паруса и стяги.

Слух о том, что Старейший из скальдов может знать, как спасти ярлкону – только это сейчас имело значение. И что именно за этим он вернулся в Хродеборг спустя столько лет. Веры этому слуху было мало, но в такие тёмные времена даже щебет перелётной птицы может показаться добрым знаменем.

– Не шибко-то ты торопился, Лейф Кьётвиссон! Твой дед в свои шесть десятков зим – и тот был шустрее.

Такими словами встретил Хакон владыку из рода Харовингов. Тот замедлил шаг лишь перед самой пристанью, чтобы создать иллюзию важности, степенности той процессии, единственным членом которой ярл и являлся. Красноуст, конечно, всего этого не видел, но при том совершенно мистическим образом мог почувствовать. Торир же не шибко жаловал старого скальда, как и все остальные жители Хродеборга, а потому остался переводить дух в стороне, у бочки с солёными селёдками. Можно даже сказать, что между воеводой и скальдом была настоящая вражда. В своё время Красноуст прошёлся колкими висами по лысине его отца, Трюггви, а похабными строфами не преминул воспеть бёдра его матери, Сигню. По этой незамысловатой причине Торир старался держаться в стороне, не лезть в разговор и вообще никак не выдавать своего присутствия. В противном случае ему было бы тяжело удержаться от того, чтобы не заехать Старейшему обухом топора промеж слепых очей.

– Да благословит Хар твою память о моём предке, славнейший из скальдов. – усмехнулся ярл, остановившись прямо напротив старика и уперев руки в бока. – Но скажи-ка мне: как ты понял, кто пред тобой? Ужель вернулось к Ха-

кону его острое зрение?

– Глаза мои видят нынче и то лучше, чем ты привечаешь друзей, – проворчал Красноуст. – Хорошо хоть, что вообще пожаловал. Нос мой зачесался от медового духа. Вот так я и понял, кто предо мной. Как пень перед травой, пха...

Лейф, нахмурившись, помял пальцами переносицу. Он уже успел позабыть, каким неугомонным и злоязыким был Старейший из скальдов. Что ж... Во имя Раннвейг можно было стерпеть и не такое.

– Но раз уж появился-таки... – всё же вмешался в разговор Торир, которому, судя по всему, надоело ковырять ножом крышку селёдочной бочки. – То, быть может, стоит пройти к очагу? Ночи всё студёнее. А ты, певун, не молодеешь – того и гляди застудишься! Меня, впрочем, это совсем не огорчит, ба!

Слепой скальд, дёрнувшись, скривился и обернулся на голос воеводы. Премемерзко ослабившись, старик прошипел:

– А кто это там запищал из-за Лейфова плеча? Никак сам Торир, отпрыск Лысого Трюггви? Что, дружок, пятки отморозил? Не терпится у огонька наетое в ярловых хоромах брюшко погреть? Ну так ты ступай, ступай! А нам с владыкой ещё потолковать надобно.

Лейф в последний миг успел ухватить своего воеводу за могучее плечо. Не сделай он этого, и Торир Трюггвассон точно разбил бы Красноусту лицо, лишив его нескольких зубов, что весьма осложнило бы дальнейшую беседу со стариком.

А старику, очевидно, было что сказать.

– Гость к теплу поспешает: дорого пламя тому, чьи застыли колени. – выразился ярл пословицей, как это частенько с ним бывало; крепко удерживая Торира одной рукой, а другой, вытянутой вперёд, не давая слепому скальду приблизиться, Лейф продолжил в том же духе. – Как ты справедливо заметил, Хакон, дыхание моё сдобрено ореховым мёдом. В бочках созрел напиток Хара, а на вертеле румянится баранья нога. Негоже нам здесь грызться, покуда яства пропадают!

Слепец, то ли и в самом деле проголодавшись, то ли по достоинству оценив древнюю и мудрую присказку владыки Хродеборга, немного утихомирился и закивал головой, укрытой снегом седины. Торир, припомнив тот слух, пересказанный им же, а также причину, по которой для ярла столь важно сейчас побеседовать с этим старым мухомором, тоже обуздал свой гнев, высвободив плечо и сделав шаг назад. Лейф облегчённо выдохнул и подал скальду край своего плаща. Хакон, не теряя горделивого вида, взялся за ткань, получив таким образом возможность ступать по следам внука Хемминга Дубового Ярла.

Среди бесчисленного множества достоинств Красноуста не хватало одного весьма значительного – роста. Хакон был низковат, точно дверг, и столь же тучен. Дабы поспевать за высоким и длинноногим владыкой, ему приходилось часто-часто перебирать своими косолапыми ступнями, завёрнутыми в старинные башмаки. Весь облик скальда отражал

его неприятие нынешних времён: на плаще и кафтане змеились диковинной вязью узоры, ушедшие вместе со двором Хемминга Дубового Ярла, а красный цвет сукна и шерсти в одеяниях отсылал к той поре, когда в хрødeборгских палатах ещё проживал Кьётви Землепашец, отец Лейфа. Кьётви жаловал багрянец за то, что он навевал мысли о вине из дикой лозы, которую в большом количестве – впрочем, не вполне удачно – ярл пытался выращивать. Такой же багряной была и широкая повязка на лице Хакона, завязанная на затылке. С её помощью Старейший скрывал свои глаза, затуманенные бельмами.

– Как ты добрался до Хрødeборга, старый друг? – поинтересовался Лейф на подходах к длинному дому. – Надеюсь, не слишком штормило?

– Ужасно. Просто отвратительно. Ни словом, ни песней не передать. – ответил скальд прежде, чем ярл успел договорить. – Трясло и качало, как на крупе у ишака. Руки кормчего, похоже, растут из того места, откуда прочие испражняются. А гребцы...

– Я понял. Как поплывёшь обратно, я лично прослежу за тем, чтобы тебе нашли лучшего кормчего по эту сторону от Ледника Кочующих Китов. – вздохнул Корабельщик, успев пожалеть о том, что вообще задал Хакону этот вопрос.

– Это вряд ли! Ты-то отправишься со мной, а я знаю, как Харовинги любят править драккарами. – туманно откликнулся слепец. – Вряд ли ты научился держать руль крепче,

чем твой дед, но уж наверняка получше, чем какой-нибудь дурень, которого ты собирался ко мне приставить, пха...

Лейф, чтобы избежать нового обмена любезностями, не стал уточнять, что именно Красноуст имеет ввиду. Тем не менее, необходимость куда-то плыть со слепым скальдом сильно его озадачила. Мысль о том не покидала головы ярла до самого порога.

* * *

Корабельщик не обманул своего гостя.

На длинный стол вытащили порядочно яств из погребов, наполнив миски лепёшками, свежей рыбой и засоленными овощами, грибами в сливках и яблоками в меду. Отдельно лежали зрелые сыры и кручёные колбасы, коптившиеся на буковых дровах. Кувшины, рога и кубки пенились великолепным ореховым мёдом, которым славился дом ярла. В полнотелых чашах-братинах источал сладкий аромат густой ягодный кисель, а из глиняных горшочков кисловато пахло плотным скиром с клюквой или брусникой. Хакона посадили по правую руку от правителя, на что Торир-воевода лишь недовольно фыркнул, располагаясь поодаль. Обычно почётное место рядом с владыкой занимал именно он.

Кубок Красноуста до краёв наполнили подогретым кислым вином, которое он жаловал пуще мёда. Старик свято верил, что оно как-то благотворно сказывается на его голо-

се. Вино, сготовленное ещё при ярле Кьётви, никто, кроме Старейшего из скальдов, не пил, и хранилось оно в дальних пылящихся бочках, дожидаясь своего часа.

Вот и дождалось.

По левую руку от Лейфа, в резном кресле, точно таком же, как у самого ярла, только чуть меньшего размера, расположилась Раннвейг. Судя по её смятённому виду, она погрузилась в мучительный сон, покуда муж её бродил по горам, и проснулась лишь сейчас, когда супруг пожаловал с именитым гостем. Ярл не возражал против присутствия возлюбленной. Он знал, как тепло относилась его жена к старому слепцу, несмотря на все выходки сказителя, и как она любила древние песни и саги. Лейф надеялся, что появление Хакона подбодрит ярлскону и придаст ей сил. Кроме того, он и сам верил в то, что получит хорошие вести из первых уст.

Дым не вьётся, покуда нет пламени. Так и слухи не возникают из ниоткуда.

– Хорош твой дом и добр твой стол, ярл! Всё как в былые времена. – расщедрился на похвалу скальд, пригубив вина. – А где же твоя милая жёнушка? И как она поживает?

– Я здесь, почтенный Хакон! – откликнулась Раннвейг, вспомнив, что из-за своего сонного состояния запаматовала поприветствовать скальда, чей взор уже много лет назад покрыла мгла. – Благодаря милости богов и любви мужа, жизнь моя прекраснее любого сна! Я счастлива, что вы пожаловали в Хродеборг после стольких лет.

– Не обманывай старика, благородная госпожа. – усмехнулся в густую седую бороду Красноуст; непонятно было, что он имел ввиду: то ли скальд намекал на то, что ему известно об истинном состоянии ярлсконы, то ли отказывался считать радость девы от встречи со сварливым стариком искренней.

– Нет-нет, мне и правда отраднo видеть вас среди наших гостей, мудрый Хакон! – запротестовала жена ярла, а после сразу ушла от темы. – Вы сказали, что всё в Хродеборге, как в былые времена. Всё, кроме ваших песен! Скажите, почтенный Хакон, споёте ли вы нам сегодня? Я была бы так рада вновь услышать о давних временах, героях и чудовищах...

– Спою, конечно, отчего же не спеть? За тем я и прибыл. – сразу же кивнул старик, как будто только и ждал, когда его попросят явить своё мастерство, которое уже само по себе стало легендой всего Севера. – Но как вёсны следуют за зимами, так и хороший скальд не поёт, покуда не промочит горла. Всему своё время, благородная госпожа.

Лейф, внимавший этой беседе, внешне сохранял спокойствие, однако в груди у него трещали льды. Ярл сидел, как на углях. Ему не терпелось выведать у Старейшего из скальдов, в самом ли деле ему известно о том, как помочь Раннвейг. Однако тревожить Хакона несвоевременными вопросами означало получить на них озлобленные ответы. Сейчас старый слепец был задобрен тёплым приёмом и горячим вином, и владыка Хродеборга был весьма заинтересован в том,

чтобы так оно и оставалось. Желательно – как можно дольше.

– Я привёз вам с собой замечательную песнь... Правда, принадлежит она не мне, а моему далёкому предку, чей голос звучал ещё в палатах Хара. – пробубнил скальд после второго кубка вина, воздев палец с золотым перстнем к деревянным стропилам и балкам, у которых были развешены боевые щиты.

– Уж не о Браги Рунопевце ли ты толкуешь? – хмыкнул со своего места Торир Трюггвассон, ковыряя железным остриём вилки баранину в своей миске.

– О нём, о нём, непочтительный ты щенок! – огрызнулся Хакон на голос воеводы. – О величайшем из скальдов, соратнике Хара, что словами мог двигать горы, умирять волны и будить вулканы! Хоть я и мастер из мастеров, а до Рунопевца мне – как тебе до того, чтоб зваться мужчиной, пха!

Ратник усилием воли подавил закипающий под рёбрами гнев. Самодовольный скальд явно переполнял и без того налитый до краёв рог терпения Торира. Ярл, напротив, улыбнулся – ему всегда нравилось то, что вместо призрачной силы богов и духов Хакон Красноуст полагался на славу великих предков. Так же, как и он сам.

Хар, Браги Рунопевец... Даже в имени деда, Хемминга Дубового Ярла, правившего не столь давно, Лейф видел больше могущества, чем во всех Каменных Богах разом. И это убеждение, бесспорно, разделял сварливейший из ныне

живущих скальдов.

– И о чём же та замечательная песня? – вернула разговор в безопасное русло Раннвейг, за весь вечер так и не притроновшись к пище. – Я бы хотела скорее её услышать.

– Я бы тоже не отказался. Спой же нам, старый друг! – поддержал жену ярл.

Хакон недовольно фыркнул – так, словно он сейчас делал великое одолжение всем собравшимся за ужином. Неторопливо допил вино. Откинув плащ и развернув шерстяной мешок на перевязи, в который бережно была завёрнута еловая лира о восьми струнах, скальд степенно поднялся и нетвёрдым – то ли от усталости, то ли от количества принятого на грудь, – шагом вышел из-за длинного стола. Путь от кресла до привычного места песнопений старик помнил наизусть и мог преодолеть без посторонней помощи. Осторожно переступив несколько волчьих шкур, тщательно выбрав место перед слушателями по одному лишь слепцу известным приметам, Красноуст стал вдумчиво настраивать инструмент, дёргая каждую из струн по отдельности и по несколько за раз, подкручивая тугие колки, то и дело припадая к бесценной лире чутким ухом.

Торир, дробивший ножом баранью кость, не проявлял никакого интереса к приготовлениям сказителя. Лейф, откинувшись на спинку своего трона, задумчиво перебирал пальцами по резным подлокотникам. Раннвейг, которой в последнее время даже улыбка давалась с трудом, сейчас с ог-

нём в глазах наблюдала за скальдом – достойнейшим, на её взгляд, потомком Браги Рунопевца.

Наконец, Хакон громко кашлянул, давая тем самым понять, что вот-вот наполнится длинный дом звуками песни. Притихли все: и игравшие в хнефатафл хускарлы у дверей, и прислуга по своим углам, и верные охотничьи псы у ног ярла, до того с упоением разгрызавшие мозговые кости. Казалось, даже завывающий за бревенчатыми стенами ветер смолк, желая послушать речи Красноуста.

Тяжёлые красноватые пальцы на удивление мягко коснулись струн, рождая негромкую, волнующую сердца музыку. Тени заплясали по стенам под пение лиры, завели хоровод, который становился всё быстрее и быстрее, сорвавшись на галоп в тот миг, когда Хакон раскрыл уста, запевая:

О мёде забудьте,
хлеб отложите,
внимайте мне все:
о том, что не видели,
о подвигах Хара
я сказывать буду.
До мира рожденья
под ветра лоханью
студёные только
пенились зыби,
ветры ревели,
льда горы высились.

Из пламени скального,
из солёной крупы,
из шёпота волн
Хар зародился —
людей первопредок,
чудовищ погибель.

Вепри прибоя
Хара вскормили,
пращура ярлов,
владыку героев.
Слава его
солнца всевечнее!

Взором тоскующим
море бескрайнее
Хар оглядел.
Крепко задумался,
жёлудя духа
поведал кручину:

«В норах на дне
крабы ютятся,
в горных гнездовьях
выводок воронов,
треска косяком
волну озаряет.
Только у Хара,
рождённого в пламени

и рода людского
здесь будет жилище!».
Три дня и три ночи
с Харом сражались
всемерзкие кракены,
горные тролли,
великаны-крушители,
древние выродки.
Вспенилось море,
кровью насытилось,
чёрные волны
на скалы обрушились.
Явился тогда
Бьяргнир, змей гнилостный.

Смрадный червь трупов,
Гор Пожиратель,
бездны отродье,
фьорды грызущий,
алкающий крови,
Хара враг злейший.

Из камня чешуи,
клыки из железа,
десять китов
вьющимся туловом
мог Бьяргнир-змея
душить одновременно.

Три раза сызнова
солнце пресветлое
чашу бурь обошло.
Бой идёт страшный,
горы дрожат,
скалы растрескались.
Плещется яд,
грай ворона слышится,
в ярости море,
змей кольцами вьётся.
Дрогнуло небо,
звёзды посыпались.
В узел тугой
Бьяргнира хищного
Хар завязал,
смерти росу
из ран на песок
сея обильнейше.

Гибель предвидя,
забилось чудовище.
Крепче свиваясь,
ревело, взмолившись:
«Признать я готов —
Хар победил,

великанов губитель.
Узлом коротать
век от века на дне —

в том славного мало.
Меня развяжи,
герой многосильный!

Дам крови испить
змеиного сердца —
и раны, и хворь
она исцеляет.
От язв и укусов
иначе ты сгинешь!».
Усмешкой Бьяргниру
Хар славный ответил:
«Уж лучше умру я,
чем змёю коварному
хвост развяжу,
родню обрекая!».

С такими словами,
с речами такими
герой благородный
всех чудищ низринул
в глубокую пропасть —
пускай там и сгинут!

Вздых свой последний,
дело свершив,
испустил грозноокий.
С честью тогда
родичи многие

его провожали.

Мне вы внимали —
о Харе поведал,
о днях стародавних,
о Бьяргнире-змее.
Память героев
да славится вечно!

Слушатели пришли в себя лишь через несколько мгновений после того, как язык скальда прекратил ковать слова песни, а пальцы – свивать музыку на струнах лиры. Одни заворожённо глядели на Хакона. Другие – на пламя очага, в котором рождались причудливые образы старины. Третьи – на тени, обступившие палаты ярла. Дрожащие и скачущие повсюду, они напоминали древних чудовищ, желавших погубить Хара и род людской, невесть как воротившихся из Ледяной Глотки, бездонной пропасти на дне моря, куда скинул их великий перво-предок. Зрелище было столь тревожным, что некоторые служанки тихонько пискнули, сжавшись на своих скамьях. Даже храбрые хускарлы невольно поёжились, осторожно проверив, легко ли ходят ножи в поясных ножнах.

Раннвейг укуталась в плащ, с которым она последнее время не расставалась – из-за болезни ей было зябко даже у жаркого пламени. Взор ярлсконы был полон и восхищения, и ужаса, рождённого разыгравшимся воображением.

Торир-воевода – и тот прекратил крошить бараньи кости в миске. Мысли его принадлежали сейчас былым временам, «древним вырождакам» и великим героям.

Задумчивей прочих выглядел Лейф. Ярл, оглаживая бороду, рассматривал щит, что висел над дверью. На синем поле белели две фигурки – тщательно выведенные вороны. Знамя хрёдеборгских Харовингов, увековечившее подвиг птиц, сыскавших для Хара твёрдую землю.

– О, мудрый Хакон, какая чудесная песня! Я уверена, что сказывали вы ничуть не хуже, чем Браги Рунопевец! – робко прервала владычица царящее в палатах безмолвие. – Но кажется мне, что слова её как будто знакомы...

– Тебе не кажется, – проронил Лейф до того, как девушке успел ответить сам Красноуст, – ведь это «Песнь двух воронов». Самое древнее из сказаний о Харе.

– Ярл прав, милая госпожа, – согласился Красноуст, прижав лиру к груди и поклонившись, – «Песнь двух воронов» не раз и не два звучала в этих палатах. Слова её осели на столбах, скамьях, шкурах, щитах ваших чертогов. И хоть я уже давно ничегошеньки вокруг не вижу... шёпот этого зала подсказывает, что подвиги Хара не забыты.

Все наперебой стали расхваливать мастерство скальда и вспоминать деяния предков. Задумчив остался лишь ярл. Что тревожило его покрытое тенью чело? О том догадывался, казалось, лишь старый слепец, стоявший напротив. Под белоснежной бородой сказителя скрывалась лукавая улыбка.

Раннвейг, на время утешенная песней, отошла ко сну, скрывшись за пологом спальни. Торир, поклонившись ярлу, покинул чертог, чтобы вернуться домой к жене и пятерым горячо любимым отпрыскам. Слуги пристроились в тёплых местах. Склонив косматые головы, дремали у стен верные хускарлы.

Лишь двое мужей в длинном доме – а, быть может, и во всём Хродеборге, убаюканном снегами и ветрами, – продолжали бодрствовать, несмотря на хмель и поздний час. Лейф Корабельщик, потомок грозноокого Хара, и Хакон Красноуст, предком которому приходился Браги Рунопевец. Ярл был по-прежнему мрачен и задумчив, а вот скальд едва не посмеивался, смакуя уже успевшее остыть кислое вино.

– Хмарь в твоих мыслях я кожей чувствую, ярл. Давай уже, спрашивай, коли думы покоя не дают.

– Если чувствуешь, то мог бы сразу и ответить, а не водить лососиной пред медвежьим носом.

– А мне-то оно зачем нужно? Это у тебя, Хеммингов внук, сердце не на месте.

– Пятая, шестая и седьмая строфы с конца. – отчеканил Лейф, наклонившись вперёд и подперев голову сложенными в замок пальцами. – Я знаю Песнь наизусть, старик. Этих строф там никогда не было. Змей не просил Хара о пощаде

и не...

– Не предлагал ему испить того, что, быть может, спасёт твою жену?

Ярл, до сего мгновения хранивший спокойствие хотя бы внешне, не выдержал и тяжело выдохнул, как будто в грудь ему попал стылый воздух вперемешку с иглами снега. Повернувшись в кресле к слепому скальду, Корабельщик взял его за плечо и настойчиво заговорил:

– Что ты хочешь этим сказать? Что тебе известно, старик? Ответ скорее! Не томи!

– Обожди немного, ярл. – хмыкнул Красноуст. – Я хоть ослеп и согнулся, как корабельная доска, но всё ж таки помню, что муж мудрый другу добром на добро отвечает, подарком – на дар. Дай-ка мне кое-что взамен за моё знание.

– И чего же может желать Старейший из скальдов? Хм?

– Дай клятву! Поклянись, что возьмёшь меня на свой корабль. На «Допр»!

– И к чему тебе...?

– Поклянись! Поклянись на кольцо!

Закатив глаза, не видя смысла в том, чтобы препираться со сварливым старцем, Корабельщик снял с пальца серебряный перстень, покрутил драгоценный металл в бликах пламени, а затем, следуя старинному обычаю, вытянул руку перед собой.

– Я, Лейф из рода Харовингов, сын Къётви Землепашца, даю тебе, Хакон-скальд, своё слово и крепкую клятву. Клятву в том, что возьму тебя на скамью своего драккара. – со вздохом произнёс владыка. – Да будут предки свидетелями,

что слово ярла нерушимо, и да буду я проклят, коли обману тебя.

– Хм-хм... А ты точно кольцо снял?

– Да ты смеёшься надо мной, старик?! – гаркнул Лейф, будучи близок к тому, чтобы по-настоящему вспылить. – Это уже совсем не потешно! Говори сейчас же, или я поклянусь на этом злосчастном кольце в том, что тебя протянут под килем мои хускарлы! Да простит меня Хемминг...

– Ладно-ладно, пха! – замахал морщинистыми ладонями Красноуст, на всякий случай отклонившись от того места, откуда доносился возбуждённый голос ярла. – Верю, верю... Ну так слушай же! Ты прав. И неправ в то же время.

– Опять говоришь загадками?

– Наберись терпения, буйный! – пригрозил пальцем скальд. – Прав ты в том, что тех строф не было. Неправ в том, что их не было никогда.

– Я не понимаю...

– Знаешь, как я лишился своих глаз? В былые годы с утра до ночи я перебирал, вычитывал и переписывал древние пергаменты и свитки. Чтобы нерадивым потомкам осталось хоть что-то, кроме моего голоса! Но кроме того, у меня на дворе лежало множество камней, испещрённых рунами. Древних камней, которые резали ещё Хар и Рунопевец!

– Продолжай.

– Как только мир для меня померк, я стал чаще обращаться к этим камням, и они нашептали мне многое! Да, вижу я

чуть меньше, чем ничего, однако пальцы мои всё так же ласково сплетают на струнах музыку, всё так же ясно чувствуют, что под ними вырезано или высечено!

– Рад я за тебя, старый друг. Но давай ближе к делу!

– Ты чёрств, как прошлогодний сухарь, и нетерпелив, как голодная чайка! – недовольно проворчал Хакон. – Но я знаю о том, что твоя тревога вызвана не чем-нибудь, а хворью жены. Не буду дальше кружить вороном вокруг да около: на прошлой неделе мне попался камень, на котором вырезан самый древний слог Песни двух воронов. Сомнений быть не может. Это та Песнь, какой её резал сам Браги, глядя на подвиги Хара! Строфы, о которых ты говорил, там были. Были всегда!

– Постой-постой... Как же так? Куда они могли исчезнуть? Почему прежде все скальды пели без этих стрóf?

– Время стёсывает слова ничуть не хуже, чем камни обкатываются морскими хлябями. – вздохнул Красноуст, пожимая сутулыми плечами. – Сегодня я спел самый древний, единственно верный слог Песни, ярл. Тот самый, по резьбе которого прошлись мои чуткие пальцы. Вместе с ушами они служат мне теперь вместо глаз. Всё было сказано так, как оно деялось.

– Что же это... выходит...

– Выходит, что Бьяргнир Пожиратель Гор в самом деле предлагал Хару отпустить его в обмен на сок своего сердца, способный стянуть любую рану, прогнать всякую боль. – за-

ключил скальд вместо своего владыки, пребывающего в полной растерянности. – Это не кеннинг, ярл, и не пословица, я тщательно проверил, прежде чем плыть к тебе. Путь от порога до порога, знаешь ли, неблизкий...

– Во имя Харовых чресел, этого быть не может! И как мне в это поверить? Как?!

– Не веришь мне – так поверь Рунопевцу. Его словам не хочешь внять – так внемли змею. А коли и в его шипении усомнился, то уж подумай о своём предке, Харе, который не стал винить чудище во лжи, а по собственной воле отрёкся от сделки, зная при том, что капля крови змеиного сердца наверняка вернула бы его к жизни!

Красноуст услышал, как со скрипом отодвинулось от пиршественного стола ярлово кресло. Раздались торопливые, беспорядочные шаги. Владыка, кажется, ходил то туда, то сюда, пытаясь принять слова старого слепца, поверить в них. Хакон же никуда не торопился и ни о чём особенно не волновался, время от времени поднося к пунцовому носу, напоминающему свёклу, глиняный кубок с вином.

– Ты загодя знал, что я тут же решусь, – неожиданно произнёс Лейф, остановившись, сложив руки за спиной, – что начну охоту. Любой ценой. Не только из-за лекарства для Раннвейг. Но и во имя мести.

– Знал, – кивнул скальд.

– Зачем заставил меня дать клятву?

– Хочу всё увидеть... – осёкшись, Хакон горько усмехнул-

ся. – Всё услышать. Сам.

– Для чего тебе это? Дело гиблое. Даже Хар не смог прикончить змея.

– А ты, ярл... Ты сможешь! Закончишь начатое перво-предком! В твоих жилах течёт добрая кровь. Кровь героев. Ты можешь остудить голову, когда надобно. Удержат людей. Направить. Ты построил флот, которым, даю язык на отсечение, гордился бы сам Хемминг! О ладьях Корабельщика толковали даже в моей глуши! – не сдержался скальд, распалившись и поднявшись с сиденья, громко опустив кубок на стол. – Подумай о жене. Или хочешь и дальше скитаться по морям в поисках чудо-трав, зная прекрасно, что они не помогут? Только о том разговорами Хродеборг и полнится! Я знаю!

Корабельщику было нечего ответить. Оставалось лишь внимать, опустив непокорную голову, не склонявшуюся даже перед Каменными Богами.

– Спрашиваешь, для чего мне это? Быть может, ярл, это моё последнее плаванье. Быть может, плеч моих уже не коснутся влажные ветра следующей осени. – с нескрываемой горечью в голосе продолжил старик. – Я хочу быть рядом с тобой, когда поразишь ядозубого гада! Хочу сложить о том свою последнюю сагу, как Рунопевец сложил когда-то «Песнь двух воронов»! Хочу услышать... как хрипит в предсмертных муках то отродье, что сгубило столько народу. Хочу знать, что отмщён твой дед. И люд всего Севера.

После речей Хакона в длинном доме вновь воцарилась тишина, на этот раз нарушаемая лишь треском поленьев в очаге. Красноуст, скрестив руки на груди, ждал, что ответит ему ярл. Прислушивался. Тревожился впервые за вечер.

– Мудрому мужу сон тихий ночью ясную голову дарит на утро, – рассекла молчание ещё одна пословица владыки, – поэтому нам следует выспаться, старый друг. Завтра утром нас будет ждать тинг.

Сердце скальда исполнилось радости. Кожей он вновь почувствовал перемену в настроении ярла. На этот раз на устах Лейфа, вне всяких сомнений, царила столь редкая в последнее время улыбка.

* * *

Небо было плотно укутано войлоком тяжёлых снежных облаков. Те, кто уже успел собраться на Холме Тинга, зябко покачивались в шерстяных плащах и звериных шкурах, переминаясь с ноги на ногу, давным-давно пропустив рассвет. Из-за туч восход солнца был неотличим от клубящейся с самого вечера заиндевелой тьмы.

Вершина Холма тихо рокотала, как приливная волна, от шёпота напряжённо беседующих друг с другом людей: молодых парней и стариков; воинов, рыболовов и землепашцев; тех, кто жил в Хродеборге, и тех, кто шёл со дворов и деревень за его пределами. Несмотря на то, что мужей на тинг

собралось уже порядочно, народ всё прибывал и прибывал. То тут из-за высокой вересковой травы заспанный путник покажется, то там по каменистой тропе пройдут ещё двое...

Всем хотелось попасть на совет, созванный ярлом-Харовингом. Тинга не было уже очень давно. Кажется, с тех самых пор, как занедужила хрдеборгская владычица. И повод нынче был весомый. С воззванием и важной вестью разъехались ярловы хускарлы по дальним землям ещё до того, как огненный шар солнца выбрался из ледяных волн на горизонте.

Никто, впрочем, толком не знал, какой вопрос на самом деле будет решать собрание вольных мужей. Знали только – быть тингу. И того вполне достаточно, чтобы проснуться затемно и отправиться в путь. Терять свой голос на совете, а уж тем более пропускать хоть что-то из судьбоносных для Хрдеборга событий не хотелось никому.

– Давно не видел я столько люду на этом Холме, – задумчиво произнёс Торир-воевода, следуя за своим ярлом и бредущим по левую руку от него скальдом, – да и вообще...

– Да и вообще давно мы не созывали тинг. – закончил Лейф и согласно кивнул. – Впрочем, сегодня здесь будет сделан лишь один выбор.

– Какой же, ярл?

– Выбор того, кто останется вместо меня. Того, кто будет хранить Хрдеборг, его земли... и Раннвейг до моего прибытия. Или до часа моей кончины и после неё. – владыка

невозмутимо пожал плечами. – Претендент у меня уже есть, и я собираюсь его представить.

– Вот оно как? А я-то думал...

– Нет, Торир, решение о походе я принял ещё ночью. На тинг это выносить бессмысленно. Мы отправляемся через три дня на рассвете.

– Принял решение, хм... И решение это касается не только тебя, но и всей дружины. – сделал замечание воевода, подняв палец.

Лейф резко остановился – даже Хакон, державшийся за край плаща владыки, пошатнулся от этого рывка. Владыка встал полубоком к Ториру и прислонил Харабанар – древнее копьё, которое он нынче сжимал в руке, – к своему плечу. Приподняв тяжёлую тёмную бровь, ярл произнёс:

– Мне думалось, что дружина следует за дарителем колец не просто так. Что в тяжкую минуту ярл сможет опереться на неё, как я сейчас опираюсь на Харабанар. Что она примет его волю и последует за ним хоть в Ледяную Глотку. Ты думаешь иначе, Торир, сын Трюггви? Так выскажи свои сомнения.

Воевода почтительно склонил голову, прижав кулак к фибуле, что держала его плащ на груди, у самого сердца. Золотые космы старшего дружинника замерли в воздухе, упав со лба, ушей и висков.

– Ты прав, ярл, дружина готова идти за тобой хоть через ледники, хоть в жерло огненной горы. Однако долг мой – служить тебе не только делом, но и добрым советом. А мне,

если позволишь, весь этот подвиг кажется...

В разговор владыки и его верного соратника неожиданно вмешался Красноуст. Сложив руки на груди и сделав неуверенный шаг вперёд в ту сторону, где, по его оценке, должен был стоять Торир, скальд с усмешкой произнёс:

— Ну что ж, подсвинок старого хряка Трюггви, коль ты сомневаешься в решениях своего ярла, то, быть может, укажешь нам свой выход из этой беды? Скажи-ка, ведомо ли тебе снадобье лучше, чем воспето мною и вырезано Рунопевцем? Или, как знать... вдруг ты просто убоялся? Тинг ещё не начался, лады не отчалили, а ты уже пищишь!

Воевода, тихо выругавшись и лязгнув зубами, не выдержал, бросился на слепого сказителя, вцепившись тому в седую бороду и повалив наземь. Лейф не успел разнять двух заклятых недругов, и они покатались вниз, страшно бранясь и рыча, как дикие звери. Хакон, впрочем, оказался не лыком шит. Несмотря на то, что зим ему было чуть ли не вдвое больше, чем Ториру, а зрение его было хуже, чем у крота, он изворачивался, как угорь, и наносил воеводе кулаками увесистые тычки под рёбра, как дверг бьёт молотом по наковальне. Торир скрежетал зубами и плевался, валял старика по траве, старался пнуть его коленом, ещё раз ухватив за бороду или волосы.

Ярлу оставалось лишь наблюдать за этим позорищем, крепко сжимая древко копья в побелевших от напряжения пальцах.

– Вы порочите Хродеборг своими склоками! – воскликнул Корабельщик, внезапно побледнев, схватившись за лоб и осев на ближайший камень. – Вы... порочите...

Обыкновенные слова упрёка, сорвавшиеся с языка владыки, вихрем закружились в его памяти. Они сплетались со вчерашней Песнью, видением на капище, воспоминаниями, страхами... Разбитый овладевшим им ни с того ни с сего чувством, Лейф держался за древнее копье, как утопающий – за соломинку. Взгляд его был устремлён в пустоту, и весь он как бы ушёл в забытьё, не обращая никакого внимания ни на дерущихся перед ним воеводу и скальда, ни на собравшихся бондов, перешёптывающихся на склонах Холма.

Разум ярла унёсся далеко-далеко на крыльях белых воронов. На просторы моря, в такую же ненастную осень, но три десятка зим назад. В тот день погиб его дед, а сам Лейф едва выбрался из плена волн над Ледяной Глоткой, ставшей могилой для многих сотен отважных воинов.

В тот день пробудился Бьяргнир Пожиратель Гор.

– Твой отец порочит Хродеборг своею трусостью! Ярл без ладьи – что ворон без крыльев. Но ты, Лейф... Ха-ха, ты у

меня не такой! Нет!

Владыка из рода Харовингов зычно расхохотался, подхватил сидящего у его ног мальчонку в красной курточке, игравшего с ольховым коньком и лодочкой, и усадил его к себе на колено. Тёмная густая борода ярла с серебряной проседью, собранная в пучок на самом конце, защекотала раскрасневшиеся от стужи и ветра щёки мальчугана, и он поднял свои крупные, слезящиеся от солёных вихрей глаза на дедушку.

– Вот подрастёшь маленько – и будешь с дедом править конями волн! – добродушно усмехнулся стареющий владыка Севера. – И не только ими. Все мои земли отойдут тебе!

От ячменных полей на юге до ледников на севере. От бурных морей запада до тихих фьордов востока...

– Хемминг! – позвал ярла один из хускарлов на носу ладьи, седобородый косматый Онунд. – Уж скоро будем над Ледяною Глоткой. Ветер нынче добрый.

– Славно-славно, – откликнулся правитель Хродеборга, на мгновение отвлѣкшись от внука, – но как бы этот добрый ветер ещё тучек не нагнал...

– Не нагонит. А если и нагонит, то дождём не разродится. В этом я готов поклясться своей печёнкой! – уверенно отвечал Онунд, возвращаясь к созерцанию хмурых морских далей и кудрявых барашков волн, бьющихся о крепкий нос драккара.

Хемминг, прозванный Дубовым Ярлом за то, что обильно сажал на своих землях могучие деревья, из которых по-

том тесал грозный флот и крепкие стены бургов, вновь обратил свой ласковый взор на ненаглядного внука, которого он любил гораздо сильнее родного сына. Къётви Хеммингссон был слабоволен, туговат на мысль и совершенно несклонен к морским походам. С тех самых пор, как ярлов первенец однажды после попойки свалился в озёрную прорубь и еле выбрался, вода в любом виде пугала его пуще жаркого пламени. Хемминга это совершенно не устраивало. Он был твёрдо убеждён в том, что, оседая на суше и забывая про волны, народ Хродеборга порочит память великого Хара, рождённого из соли океана, ставшего первым мореходом под холодными небесами. Именно по этой причине Дубовый Ярл называл Къётви своим наследником лишь условно, куда как больше надежд возлагая на маленького внука. Любознательно, бесстрашного, здорового, смышлёного не по годам. Лейф Къётвиссон уже в столь юном возрасте был тем преемником, о котором любой владыка, хоть сколько-нибудь задумывающийся о благе своего народа, мог только мечтать.

Хемминг рано осознал это, и потому очень дорожил достойным отпрыском непутёвого Къётви. Дубовый Ярл брал мальчика во все походы и объезды своих владений. Он лично наставлял внука, водил по бургам, высоким чертогам, многочисленным верфям и дальним заставам. Усаживал подле себя на пирах, на судилищах и на обсуждениях военных походов. Лейф, хоть и не признавал большей части услышанного и увиденного, всё равно с большим интересом и горящи-

ми глазами внимал поучениям дедушки, чем несказанно того радовал. Къётви в своё время никогда не слушал Хемминга, предпочитая вести разгульный образ жизни, во сто крат сильнее интересуясь возделыванием лозы для вина и ячменя для пива, за что в будущем его так и прозовут – Землепашцем.

– Деда, а куда мы сегодня плывём? – тихонько поинтересовался Лейф, отложив на время игрушки.

– К Леднику Кочующих Китов, воронёнок! – усмехнулся Хемминг. – Ты помнишь, почему он так зовётся?

– Ледник длинный, длиннее моря. И ещё растёт вниз!

– Уходит глубоко под воду. – мягко поправил ярл. – Горы снега, что мы видим сверху – лишь малая часть Ледника. Его подошва скрыта в морских пучинах. Так-так... ну а киты тут при чём?

– Только кит может нырнуть! Нырнуть под Ледник... и выплыть с другой стороны...

– Верно-верно! – похвалил владыка, вновь потрепав внука по голове. – Когда китам приходит пора растить своих отпрысков, с той стороны Ледника они ныряют глубоко-глубоко, туда, куда не доходит свет ясного солнца. Там они проныривают под пятой ледника и выплывают с нашей стороны, с юга.

– Выплывают! – с важным видом кивнул Лейф, надув щёки. – Я сам видел! Киты большущие... больше, чем твоя лодка, деда!

– Куда как больше, воронёнок, ха-ха! Но всё ж таки и они будут меньше тех чудищ, с которыми сражался много лет назад великий Хар.

– Хар хороший! Он победил чудовищ, дал нам дом. Я хочу быть, как Хар, когда вырасту! И как ты, деда!

Теперь уж расхохотался не только Хемминг, но и все, кто был на драккаре – так трогательно лепетал ярлов внук. Эта очаровательная картина почему-то напоминала морским волкам о доме, о тепле, о жёнах, дочерях, сыновьях... Приятно было отвлечься от грозного седого океана, подумать о том, что грело сердце.

– Деда, а зачем мы плывём к Леднику? – вновь деловито поинтересовался мальчуган, заскучав.

– Из-за китов, Лейф, – покачал головой ярл, – ведь они должны были переправиться с севера на юг месяц назад. Китобои бороздят моря, лишённые своего промысла.

– А почему киты не переправились? Мы их обидели?

– Нет, воронёнок. Я всегда слежу за тем, чтобы промысел вёлся мудро, а за добычу китов сверх положенного караю, как за убийство целого семейства. Здесь, думается мне, беда в другом. Ты помнишь, что зовётся Утхеймом?

Лейф немного помолчал, размышляя над словами дедушки. Несмотря на возраст, ему уже доводилось видеть и льющуюся кровь, и наказания за нарушение законов да клятв, и разделку туш... Это всегда вводило его в задумчивость на какое-то время. Так было и сейчас. Когда мысли в маленькой

голове улеглись, ярлов внук пробормотал:

– Нет, не помню...

– Ну, ничего! Слушай дедушку внимательно, расскажу ещё разок. – постарался подбодрить мальчика Хемминг, заметив, как тот призадумался. – Утхейм – это двор за Ледником, с северной его стороны, куда мы отправляем всех тех, кто не слушается твоего дедушку, злодействует, бесчинствует и не слова не держит. За льдами оказываются только скверные люди и их родичи.

– А что они там делают? В Утхейме?

– Продолжают злодействовать, влача своё жалкое существование среди снежных пустошей, – отчеканил Дубовый Ярл, всегда испытывавший особую ненависть к тем, кто преступал законы Хродеборга, – но иногда они перебираются через Ледник... и начинают буяннить здесь. В наших морях. На наших землях.

– Они обидели китов, деда?

– Да, так я и думаю, воронёнок. Скорее всего, преступники бьют китов, всплывающих из-под Ледника... или ныряющих под него. Потому мы и не встречаем их у хродеборгских фьордов.

– И что же делать, дедушка? Мне жалко китов! Пусть бы лучше ты за ними приглядывал!

– Всё так и будет, внук мой. – с улыбкой пообещал Хемминг, прижав ребёнка к груди, закованной в кольчугу, покрытой мягким плащом и овчиной. – Мы с тобой плавём к

Леднику для того, чтобы преподать лиходеям урок. Показать им, что из-за льдов носа лучше не высовывать, а китов – не трогать.

– Ура! Деда храбрый! Деда проучит злодеев. Как Хар. Я тоже так хочу!

– Маловат ты ещё, лиходеев уму-разуму учить. Но погоди, придёт твоё время, воронёнок! Наступит день – и папаше своему заодно что-нибудь дельное втолкуешь... Вот я тогда посмеюсь над этим болваном Къётви!

Лейф ничего не испытывал к беспутному отцу. Ни любви, ни даже привязанности. Только какое-то невнятное чувство долга, внушённое ему ещё в бессознательном возрасте. Брань дедушки только забавляла мальчика. Къётви был таким же никчёмным родителем, как и наследником: о сыне он не заботился, а с матерью его, своей женой, предпочитал не общаться, ибо всякий раз их разговоры перетекали в склоку и какой-нибудь прескверный спор – о серебре и золоте, о гулянках Къётви, о сыне... Маленькому Лейфу ссоры родителей казались страшнее казней, охоты и холодных мрачных крепостей, поэтому он всегда старался хвостиком следовать за старым ярлом. А сердце Хемминга оттого лишь наполнялось радостью. Хоть кто-то из рода Харовингов подавал надежды.

Флот Дубового Ярла, насчитывавший с десятков средних драккаров и не менее трёх весьма внушительных, продолжал скользить по волнам в северном направлении. Ветер всё

пуще тянул крепкие паруса, извлекая протяжный скрип из мачт и рей. Синие знамёна с двумя белыми воронами полоскались на ветру. В то же время воины, получившие благодаря попутному ветру передышку от работы на вёслах, обедали, дремали, следили за снастями, играли в походные игры или же проверяли оружие и прочее снаряжение. Им предстояло преподать жестокий урок распоясавшимся изгнанникам с той стороны Ледника, которые, как думалось, губили десятки китов, не давая тем спариваться и вскармливать потомство в южных водах.

Да. Как думалось владыке Хродеборга и его советникам... Но всё ли было так на самом деле?

– Хэй, ярл! Глянь-ка! Что-то там в воде болтается... – вновь позвал Дубового Ярла его хускарл, Онунд. – Великаны его знают, на что похоже, но... то ли днище корабля, то ли...

– Посиди-ка пока здесь, внучек. Деда глянет, что там на нашем пути повстречалось. – вымолвил Хемминг, ссадив Лей-фа на скамью и верёвкой закрепив руль, который он прежде держал одной рукой. – Чего там, Онунд? И где мы хоть сейчас? Совсем я со своим ненаглядным птенцом заговорился...

Владыка, переступая через корабельные скамьи и сундуки, иногда хватаясь за снасти, пробрался-таки в конце концов на нос своего огромного и длинного драккара. Онунд потеснился, уступая ярлу место для лучшего обзора.

– Учитывая ветер и морскую пустошь по всем сторонам...

Мы должны быть ровнёхонько над Ледяной Глоткой. Видишь, какая вода тёмная? – предположил хускарл.

– Да, глубоко тут... Мы с тобой много повидали, но тут всякий раз потом прошибает. Как подумаешь, каких тварей схоронил в этой бездне Хар... Бр-р-р! – проскрежетал зубами Дубовый Ярл и выглянул за борт, стараясь подолгу не задерживать взор на чернеющей тут и там пучине. – Ну-ка, что там вдалеке? Порази меня гром! Да это... нет... Ба!

– Что? Что там такое, Хемминг?

– Похоже на тушу кита. Только он почему-то вверх брюхом. И... как будто располовинен, – пробормотал ярл, помрачнев, точно затянутое облаками небо, – вода вокруг алет от крови. Пенится дюже. Что-то здесь неладно...

Впереди, прямо на пути хрдеборгского флота, багряно-чёрные волны в самом деле качали изуродованную половину китовьего туловища. Чем ближе оно становилось, тем более жуткими казалось. Серая кожа морского великана, покрытая моллюсками и другими паразитами, лопнула в нескольких местах. Стервятники широкими кругами вились над тушей, пронзительно, зловеще крича, но почему-то не опускаясь на богатое пиршество, словно чувствуя скрытую под водой угрозу. На мрачную тризну собрались лишь крупные китовые вши, колонии которых, белёсые, издающие леденящий кровь скрежет, щёлканье, и постоянно дёргающиеся, были видны издалека. Пузырились розовой пеной бурые внутренности кита, не успевшие вывалиться из-под раздроб-

ленных рёбер, позвоночника и словно исполосованной чьи-то длинными клыками или когтями шкуры.

Зрелище было тревожное. И до тошноты отвратительное. С кораблей, сопровождавших драккар ярла, стали раздаваться взволнованные сигналы горнов, вопрошающие, что предпринять дальше. Опасность, очевидно, чуяли не только лишь чайки да вороны над разорванным китом.

– Мне это не нравится. – признался Онунд после длительного молчания, вызванного отвращением и ужасом от увиденного.

– Представь себе, я тоже не получаю удовольствия от вида китовых кишок. – фыркнул встревоженный ярл, отводя взгляд.

– Да не о том я! Его убили не люди. Но... мне незнакома ни одна тварь, способная так отделать утхеймского чёрного кита. Да, они, бывает, ранят друг друга и даже убивают, но чтобы разорвать пополам... боги...

– Не упоминай при мне богов. – холодно, но стараясь сдерживаться отсёк Хемминг. – Ты прав. Нечто, убившее эту громадину, где-то рядом – туша ещё не пошла ко дну. А вторая половина явно сожрана. Проклятье... Онунд, труби тревогу. Приготовиться! Всем, разрази вас Хар, приготовиться!

Воины на драккаре засуетились, стали перекладывать оружие, рассаживаться по местам. Онунд, подняв витой горн, дунул в него протяжно три раза – то был сигнал тревоги для всех кораблей. Люди, суда, даже стылый воздух и ледяная

вода – казалось, всё пришло в движение, затрепетало, заволновалось.

Все знали, что за место эта Ледяная Глотка, воспетая скальдами в самых страшных сагах. И все видели в растерзанном ките очень дурной знак. Как оказалось, не напрасно.

– Что за запах? – сморщился Онунд, держа горн наготове. – Чуешь?

– Чую. – кивнул ярл, помрачнев пуще прежнего. – Несёт гнилью и тиной, как со дна. Это не от кита...

Не успел Дубовый Ярл договорить, как до воинов Хредеборга донёсся странный звук. Сначала он походил на тихий стук трещотки, однако с каждым мгновением усиливался, нарастал, как лавина, превратившись в конечном счёте в гром тысячи барабанов. Море заволновалось, задышало тяжело и неровно, вспенилось, пошло кругами, как шлак в жерле вулкана перед самым извержением. Раздались встревоженные возгласы и брань. В этот миг останки кита взвились в воздух вместе с фонтаном воды и крови. Глазам мореходов открылась картина, явившаяся напрямиком из ночных кошмаров. Над водой, вцепившись зубами в истерзанную китовью плоть, явился чудовищных размеров змей, чьи чешуи с каждым движением массивного тела ударялись друг о друга, издавая тот самый жуткий нарастающий звук. Окрашена тварь была в грязно-белый цвет, подобный оттенку тающего в канавах снега; по её бугристой броне обильно текла кровь и чёрная смолистая грязь, с чешуей свешивались целые зарос-

ли водорослей и глубоководных грибов. Рот невероятно гигантского выродка был переполнен длинными острыми клыками, напоминающими постоянно растущий без какого-либо замысла частокол. Многие зубы были сломаны, меж других виднелись всё те же грибы и водоросли, а также кровавые остатки предыдущей трапезы. Спину змея покрывали высокие, точно деревья, ороговевшие, остроконечные наросты, которые колыхались в такт движениям морского гада, создавая впечатление потревоженного вихрем леса. Особенно выделялись глаза возникшего из ниоткуда исполина: огромные, мёртвые и слепые, они напоминали два залитых гноем озера... и в то же время холодными щупальцами липкого страха пробирались в сердце каждого, кто в них смотрел.

Сомнений быть не могло. Это именно то чудовище, которое разорвало кита... и вернулось за остатками своей добычи.

Смрад поднялся невыносимый. Если до этого его хоть как-то глушила толща воды, то теперь над морем со всей своей силой разнёсся отвратительный запах гнили, какой-то жгучей кислоты и донного ила. Чешуя огласила мир пугающим рокотом. Однако ещё страшнее был оглушительный рёв, который издала тварь, прежде чем скрыться с половиной кита под водой. По морю после погружения змея пошли страшные валы, которые едва преодолевались кораблями Хемминга.

Сам ярл, лицезревший всё это, будто лишился рассудка.

Казалось, он увидел то, чего не смогли увидеть другие, и услышал то, что ушам его воинов было недоступно. Сжимая кулаки до дрожи в пальцах, владыка хрипло шептал в густую бороду лишь одно слово:

– Умрешь... Умрешь. Умрешь!

В чувство его привела встряска от стоявшего рядом Онунда. Тряхнув Хемминга за плечи, верный хускарл воскликнул:

– Ярл! Ярл, очнись! Приказывай нам! Ну же!

– Бьяргнир... Пожиратель Гор... – только и смог пробормотать опустошённый мужчина, прежде всегда казавшийся всесильным и несокрушимым. – Он явился за мной. После столетий заточения на дне среди трупов. Он хочет крови Хара, хочет мести...

– Да что с тобой, Хемминг?! Опомнись! – не на шутку разозлился и заволновался Онунд. – Подумай о внуке! Сражайся! Сражайся ради него!

Упоминание наследника привело Дубового Ярла в чувство. Проморгавшись и пошатнувшись так, словно на него вылили ушат холодной воды, Хемминг дал хускарлу знак следовать за ним, после чего бросился в сторону кормы, к рулю. Туда, где сидел перепуганный Лейф.

– Онунд, слушай меня внимательно. – проговорил ярл, уверенно чеканя слова, как будто миг назад он и не был парализован видом чудовищного змея. – Я с кораблями дам бой Бьяргниру, постараюсь задержать его. В это время ты, Храфн и Краки возьмёте Лейфа и воротитесь в Хродеборг. Я

не могу подвергать своего преемника такой опасности. Понял меня? Хэй, вы! Готовьте лодку!

Двое хускарлов, окликнутых владыкой, молча кивнули и принялись подготавливать к спуску на воду небольшой фаеринг. Один из двух, что хранились обычно на больших драккарах на всякий случай.

Онунд замер, как вкопанный, уставившись на Хемминга.

– Воротимся в Хродеборг? Тебя и всех остальных тут оставим? Да чтоб меня, ярл! Никогда! Я не о том совсем просил!

– Делай, как я сказал! – прорычал старый Харовинг, одной рукой поднимая со скамьи бледного внука, а другой сжимая древко Харабанара – древнего копья, знака нерушимой власти хродеборгских ярлов. – Речь сейчас не о тебе, Онунд. Не обо мне. Не о Бьяргнире. Речь о моём наследнике, во имя чресел Хара!

Хускарл хотел что-то возразить, но его соратники, Храфн и Краки, сообщили, что лодка готова к отплытию. Хемминг вместе с наследником на руках спешно подошёл к фаерингу. Когда челн при помощи верёвок спустили на воду, а затем туда перебрались все три хускарла, Дубовый Ярл сложил обветренные уста в улыбку и прижался широким лбом ко лбу внука, тихо вымолвив:

– Ох, воронёнок... В дурной день вышли мы с тобой в океан на щитах волн! Лети-ка домой, за крепкие стены, и наращивай перья. Придёт день – воротишься сюда с вели-

ким войском. Доведёшь до конца всё, что не закончено. Будет Хар милостив – ещё свидимся. А коли нет... отмстишь за меня!

– Деда... – пробубнил мальчик, едва не плача, прижимаясь к плечу единственного по-настоящему родного человека. – Деда, я хочу с тобой... не уплывай...

– Ох, внук мой... Долг ярла – всегда быть примером для народа. Помнишь, как я тебя тому учил? Муж мудрый копьём дорогу проложит, людей вразумит, духа умерит смятенье. – молвил Хемминг. – Моё место здесь, на этом корабле. А твоё – в Хродеборге. Сгинут земли Хара без руки его потомков. Ты уж храни наследство, приумножай его! И не забывай моих наставлений. Все они – из мудрости да из опыта. Прощай, воронёнок.

Лейф зажмурился, расплакавшись. Дубовый Ярл, крепко обняв внука ещё раз, набросил ему на плечи свой плащ, после чего посадил в лодку, к хускарлам. Замерев на краю драккара, владыка колебался ещё ровно мгновение – до той самой секунды, как рокот змеиной чешуи стал вновь нарастать, оборвавшись оглушительным треском одного из лёгких драккаров. Пожиратель Гор, появившись из моря во второй раз, одним движением страшных челюстей перемолол корабль поблизости вместе со всей командой. Не встретив никакого сопротивления, кроме криков ужаса. После этого, качнув бледным телом, змей опять ушёл под воду, задев хвостом второй драккар. От удара тот накренился и перевернул-

ся вверх дном, заставив команду рассыпаться по воде в надежде спастись на соседних судах.

Хемминг больше не колебался. Наклонившись, он протянул Харабанар Онунду. Когда побледневший дружинник взялся за копьё, Дубовый Ярл громко произнёс:

– Онунд, Храфн, Краки! Вы клялись мне в верности на кольцах. Теперь ваша клятва становится клятвой Лейфу Къётвиссону, моему внуку! Берегите его ценою своих жизней. Как придёте в Хродеборг, скажите всем бондам, всем вождям на тинге, что отныне он – ярл земель Харовингов и владелец Харабанара! Вы меня поняли?

– А как же Къётви?... – пробормотал Онунд.

– К великанам Къётви! Пусть эта непутёвая куча дерьма отправляется на все четыре стороны! Отныне вы – дружина Лейфа, а Хакон Красноуст и Трюггви Лысый пусть будут ему советниками. Теперь до вас дошло?

– Но...

– Поняли, ярл. – кивнул за Онунда другой хускарл, усаживая старшего товарища вместе с копьём на скамью и хватаясь за вёсла. – Слава Хеммингу! Харовингам слава!

– Слава! Слава!

Скандируя одно и то же раз за разом, дружинники отчалили, направляя лодку прочь от ярлова флота и Ледяной Глотки, со дна которой поднялся Бьяргнир Пожиратель Гор, змей, восставший от многовекового сна, распутавший узлы, высвободившийся из заточения. Хемминг, сердце которого

переполняло горе от разлуки с внуком – ведь он ещё столько ему не поведал, столько не показал! – помахал уплывающим широкой морщинистой ладонью. Прикрыв глаза, владыка тяжело вздохнул и вернулся на скамью кормчего, взявшись за руль, отвязав верёвку и направив драккар к тому месту, где мгновение назад скрылось змеечудище. Зазвучал сигнальный рог, перепорученный другому хускарлу. Драккары начали перестраиваться, готовясь к своей последней битве.

– Деда! – пронзительно закричал Лейф на отходящей всё дальше и дальше парусной лодке, едва не бросившись в море – мальчика удержал сидящий на корме Онунд. – Деда! Что будет с дедушкой? Я не хочу его оставлять! Деда, деда!

– Что бы ни случилось, ярл... Хар примет его в своих чертогах, как достойнейшего. – едва смог выдавить из себя старый соратник Дубового Ярла, прижимая порученного ему внука к кольчужной груди; по сухим щекам Онунда покатались слёзы, которые уже не сдерживали и отчаянно гребущие Храфн и Краки. – Как достойнейшего...

Мрачным предвестником разнёсся по воде гром сотни тысяч чешуй-барабанов. Вспенились чёрные волны. Вдох – над водой вырастает тело змея, стайей чернокрылых птиц устремятся к нему стрелы, гарпуны, копыя и сулицы с драккаров. Выдох – и усеянная снарядами тварь, точно мельничный жёрнов, перемалывает в труху ещё две ладьи, переворачивая третью.

– Боги, помогите нашему владыке. Не оставьте потомков Хара в час беды. Услышьте... – тихо молился Онунд, не отводя глаз от удаляющегося флота под командованием Дубового Ярла. – Великие, милосердные боги...

Злой насмешкой разнёсся над океаном торжествующий змеиный рёв. В этот раз Бьяргнир возник прямо под килем главного корабля: вцепившись клыками в широкое днище, оказавшееся шире гнилостного зёва, Пожиратель Гор поднял его над водой и, крутанув, швырнул в соседний драккар. Раздался треск ломающегося дерева и звон рвущихся снастей и парусов, крики умирающих воинов и прерывистые, беспорядочные сигналы горна на немногочисленных уцелевших кораблях, решивших разворачиваться, отступить. Силы были неравны. К тому же, миг назад погиб в жестоком столкновении двух кораблей Дубовый Ярл. А что есть войско без головы и знамени?..

Отступление было бессмысленно. Тварь наступала один корабль за другим, пожирала людей живьём, терзала борта и паруса, превращая воды над Ледяной Глоткой в поле разрушений и смерти.

Лейф, наблюдавший гибель всего дедова флота вместе с великим кормчим, не мог пошевелиться. Не мог отвести в сторону наполненных слезами глаз. Сидя на коленях у стенающего в бороду Онунда, мальчик до хрипоты бормотал лишь одно:

– Деда... деда...

Волны и ветер уносили фаеринг всё дальше и дальше от морского поля, усеянного покачивающимися среди кровавой пены обломками. Тучи, зарядив мелким колючим снегом, сгустились безмолвной скорбной хмарью над стихшим местом... нет, не битвы. Страшной бойни, учинённой злейшим врагом всех людей.

Три десятка зим назад... В тот день пробудился Бьяргнир Пожиратель Гор.

– Деда! Деда, а деда! А что с ярлом? Ну, что?

Настойчивые детские возгласы вывели Лейфа из глубокой задумчивости, оторвали его от воспоминаний об ужасных днях, захлестнувших внезапно и беспощадно, как приливные волны. Помотав свинцовой головой, избавившись от видений и переполняющих грудь тяжёлых чувств, Лейф Корабельщик осмотрелся по сторонам, чтобы понять, сколько он так просидел на камне, воскрешая в памяти события тридцатилетней давности.

Оказалось, что сравнительно недолго. Хакон и Торир, впрочем, уже успели намять друг другу бока, и теперь валялись поодаль, стараясь перевести дух и перечесть ушибы. Ря-

дом же с бледным Харовингом стоял дородный, богато разодетый мужчина в летах, подле которого вертелся, очевидно, его внук, донимавший деда постоянными восклицаниями и вопросами.

– Де-е-еда-а-а! Что с ярлом-то? Что?

– Хёгни, если ты не уймёшься, я отправлю тебя домой, в Рекрабур, к родителям! – пропыхтел мужчина, с беспокойством разглядывающий ярла. – И брусничных пирожков за обедом ты не увидишь, как своих ушей!

– А вот и увижу! И уши увижу, и пирожки! – воскликнул недовольный внук, тут же постаравшись доказать деду свою правоту, потянув мочки ушей к щекам. – Вот и увижу! А в Рекрабур не хочу, там ску-у-ука! Пирожков хочу!

– Хар, дай мне сил и терпения... – взмолился мужчина, махнув рукой на неугомонного мальчишку и наклонившись к Харовингу. – Лейф, ты как? Не захворал ли часом? На тебе совсем лица нет!

– Рад видеть тебя, Олаф, – хмыкнул Корабельщик вместо прямого ответа, поднимаясь с опорой на копьё и ударяя по протянутой руке одного из гостей тинга в приветственном жесте, – и спасибо, что прибыл так скоро. Без тебя-то я и не мог начать совета.

– Тревожно как-то от тебя это слышать. Что-то случилось? Что-то... с Раннвейг? – спросил мужчина, похмурнев.

Перед Лейфом стоял никто иной, как Олаф Домоправитель. Олаф был весьма мудрым, уважаемым и справедли-

вым, но ушедшим на покой несколько зим назад владыкой Рекрабура, второго по величине города на Севере. Жил он теперь на богатом хуторе к востоку от Хродеборга, и славен был тем, что дочерью ему приходилась Раннвейг, а сыном – Стюрбьёрн Бычий Лоб, нынешний рекрабурский ярл. Подле Домоправителя вертелся неугомонный Хёгни Стюрбьёрнс-сон, его родной внук, отданный старику на воспитание. Или, скорее, в наказание.

Олаф был хорошо осведомлён о болезни дочери и о терзаниях её супруга-Харовинга. Он помогал чете в силу своих возможностей, привлекая к этому и Лейфова шурина – ярла Стюрбьёрна. Нрав у того, впрочем, был прескверный, а сердце – чёрствое. Бычий Лоб постоянно воевал с изгнанниками за Ледником Кочующих Китов, охотился, грызся с женой и пировал. Времени у него не было даже на воспитание сына. Не то, что на заботу о делах сестры и безутешного зятя...

– С ней всё в порядке... насколько это возможно с её недугом. – вздохнул ярл. – На самом деле, дорогой тесть, я послал за тобой, чтобы поведать совсем о других делах. Наш славный скальд, Хакон, выискал то, что может исцелить Раннвейг. Но добыть это будет не так-то просто.

– И ты, вестимо, расскажешь о том на тинге? – взбодрился Домоправитель, осчастливленный словами зятя. – Можешь рассчитывать на любую мою помощь. Мою – и Рекрабура!

– Благодарю тебя, Олаф. Помощь и правда не помешает.

– Как я рад! Ох, Лейф... В тот день, когда я отдавал свою

птичку в твоё гнездо, я и подумать не мог, что так повезёт ей с защитником! – приговаривал старик, утирая скупые слёзы отцовской радости. – Что бы с нею теперь было, коль не ты? А уж вместе... вместе мы любое снадобье отыщем, о чём бы там Красноуст ни напел!

– Я тоже очень хочу в это верить, – сдержанно заметил Лейф, у которого от одних воспоминаний о морском змее и необходимости добыть его сердце по коже бежали мурашки. – Хакон, Торир! Вы уже наигрались? Коли так, то вытряхивайте траву из одежд и волос, и тащите за мной свои непутёвые тела! И только попробуйте ещё раз опозорить двор Харовингов перед тингом и гостями! Право слово, как малые дети...

Скальд и воевода, пристыженные, наконец поднялись с земли, отряхиваясь и отплёвываясь. Сын Трюгви демонстративно отошёл на несколько шагов от Красноуста и встал по правую руку от ярла. Старый сказитель, не видевший этого, но хорошо почувствовавший, недовольно крикнул и довольно быстро схватился за край плаща владыки, служивший ему ориентиром. Наконец, процессия из пяти человек – Лейфа, Олафа и его внука, Торира и Хакона, – выдвинулась на почётное место на самой вершине Холма Тинга.

Место для великих советов было выбрано не случайно. То тут, то там на пути посреди вереска и ковыля вздымались рунические камни. Одни едва достигали пояса, другие же наверняка могли заслонить молодое деревце. Некоторые

из камней почти стёрлись благодаря дыханию времени, однако на остальных алели руны и затейливые рисунки. В них были увековечены великие битвы, славные деяния и имена предков. Потомки Хара не рыли могил – умерших вместе с дарами либо отправляли в море на лодке, либо сжигали на погребальном костре. Поэтому рунический камень, поставленный в полях у Холма Тинга, был лучшим способом сохранить память о чём-то или о ком-то выдающемся на века. Сразу после саг и песен, разумеется.

Таким образом, Холм, усеянный памятниками, был излюбленным местом как ныне живущих, так и их предков. Это место утопало в славе. Казалось, мудрые советы и верные решения придут в голову сами собой посреди здешних гранитов, высоких трав и вольных ветров, прибывавших в Хродеборг и его окрестности со всех сторон света. В перерывы между тингами люди приходили сюда поразмышлять, попросить совета у предков, просто побыть в тишине, наслаждаясь раздольем этого величественного места. Сами тинги здесь проходили всегда очень бойко и плодотворно, позволяя принять добрые законы и справедливо рассудить многолетние тяжбы.

Для тех, кто не верил в могущество Каменных Богов, это место было по-своему священо.

Поднявшись на холм и положив ладонь на холодный камень, изображавший сражение Дубового Ярла и его флота с чудовищным Бьяргниром, Лейф вздохнул, выставил вперёд

копьё и оглядел собравшихся с той высоты, на которой стоял. На тинг пришли люди разного достатка и возраста, и пришли они огромною толпою. Не нашлось бы такого кустика клевера, который не был бы заслонён чьим-нибудь плащом или сапогом. Не сыскалось бы такого ветерка, который не подхватил бы чьего-нибудь говора, кашля или задумчивого бормотания.

Удовлетворённо кивнув, повелитель Хродеборга ступил вперёд, упёр Харабанар в землю возле пяты, поднял левую ладонь к небу и громко, раскатисто объявил:

– Именем Хара, я объявляю о начале тинга! Да будут слова, сказанные сегодня, мудрыми и откровенными, и да будет наказана и предана забвенью любая ложь и клевета.

После этих слов слуги, следуя давней традиции, выкатили на поле несколько бочек священного орехового мёда, право варить который принадлежало исключительно дому Харовингов. Выбив крышки и вооружившись рогами, братинами и черпаками, слуги стали спешно наполнять посуду благородным нектаром, подавая его всем, кто присутствовал нынче на тинге. Рог ярла наполнил тот, кому была дарована эта привилегия: сам Торир-воевода, преклонив колено, зачерпнул мёд из бочки и подал напиток своему владыке. Подняв сосуд высоко над головой, Лейф грянул копьём о землю и воскликнул:

– Skål!

– Skål! – ответил в едином порыве Холм, вздымая над го-

ловой чаши, полные мёда. – Skål! Слава ярлу, Харовингам слава!

Раздался стук дерева о дерево, рога о рог, звон серебра о золото. Собравшиеся опорожняли посуду, после переворачивая её вверх дном и проверяя, чтобы ни капли лишней не утекло. Олаф дал хлебнуть мёда даже своему внуку. Несмотря на то, что Хёгни был ещё не в том возрасте, чтобы принимать полноправное участие в тинге, дед считал, что приобщить взбалмошного мальчонку к традициям будет полезно.

Когда с достойные мужи покончили с ритуалом, выпили причитавшийся глоток священного хмеля, а бороды и усы утёрли, ярл вновь кивнул народу и расположился на установленном для него кресле, покрытом шкурами. Люди стали тесниться, подвигаться вперёд, повыше, поближе к верхушке Холма. Всякий желал послушать Лейфово слово.

– Долго возле ограды не вейся, недругом чтоб не казаться, сразу в ворота стучись. – начал ярл тяжёлую речь с одной из бесчисленных пословиц. – И я, люди добрые, следуя этому совету, не буду понапрасну тратить ваше время. Думается мне, что всякому, кто пришёл сюда нынче, известно о том, какая беда постигла мой дом. Дом Харовингов.

По советникам волною прошёл тихий говор. Мужчины мяли в руках шапки, теребили плащи, задумчиво отводили глаза. Лейф не прогадал: каждый ведал, что занедужила прекрасная Раннвейг. Многие вызывались помочь найти снадобье. Никто не справился. Впрочем, и гнева владыки ни один

человек так и не навлёк. Ярл был крайне требователен к себе, а потому в безуспешных поисках лекарства или толкового знахаря винил в первую очередь собственное имя.

– И в этот день я говорю не только о хвори своей доброй супруги. Я вспоминаю о беде, постигшей мой род три десятка зим назад. Об ужасе, который все позабыли, про который отмалчивались. Но ужас этот никуда не ушёл. – продолжил Корабельщик после краткого молчания. – Всем вам знакомо имя Бьяргнира Пожирателя Гор. Гнилостного змея, с которым боролся ещё сам Хар... и которого, как выяснил мой дед, нашему предку погубить не удалось.

Говор в толпе сменился с тихого и растерянного на обеспокоенный, удивлённый. В самом деле – о змее никто не заикался с тех самых пор, как флот Дубового Ярла сгинул над Ледяной Глоткой, и с морских просторов в сопровождении трёх хускарлов вернулся лишь его перепуганный до смерти внук. Пожиратель Гор в тот день как в воду канул – и в прямом смысле, и образно. Ни рыбаки из Хродеборга, ни моряки из Рекрабура не нашли ничего, кроме множества обломков да остатков парусов и снастей, некогда принадлежавших самому грозному морскому воинству всего Севера. Никаких следов тысячелетнего чудовища, сотворившего этот кошмар. Казалось, Бьяргнир явился лишь за тем, чтобы унести на дно Хемминга и всю его дружину. Некоторые в Хродеборге даже усомнились поначалу в правдивости вестей о пробуждении древней нечисти, решив свалить всё на поражение от мечей

и топоров изгнанников из Утхейма. Впрочем, решительные действия совета при юном тогда ещё Лейфе позволили взять верх над ситуацией, воспеть Дубового Ярла, как героя, отдавшего жизнь за Хродеборг и своих потомков в битве с чудищем, а также успокоить встревоженный народ.

Впрочем, то были дела давно минувших дней. И Корабельщик нынче бередил старые раны, о которых уже успели позабыть многие.

– Вот уже тридцать зим лежат тяжким грузом на моих плечах несвершённая месть и несмытый позор, – вздохнул ярл, – вот уже третий месяц моя жена гаснет на глазах у всего Хродеборга. Но в трудный час прибыл к нам с далёкого хутора скальд, чьё имя и голос знают и помнят по всем сторонам света! Хакон Красноуст, потомок Браги Рунопевца, верный друг моего дома и славный советчик, поведавший мне вчера, как одним силком изловить двух птиц. Теперь он будет держать речь. Внимайте!

Слепой сказитель, задев ненароком кресло Лейфа, выступил вперёд, направив кончик носа туда, откуда доносился встревоженный ропот. Тинг мигом стих, затаил дыхание, приготовился слушать того, чьё слово почиталось так же, как жарлово. И Хакон поведал всё. Он говорил о резьбе на камнях и об отличиях в слоге песен, передающихся из уст в уста. Молвил и о соке змеиного сердца, в котором крылось долгожданное исцеление и праведное отмщение. В завершение своих слов скальд спел о рождении и подвигах Хара, о его

отказе спастись, жертвуя другими, и о его наследстве. «Песнь двух воронов» разнёс по Холму Тинга непокорный ветер, и отголоски её осели на древних памятниках и в сердцах людей, чьё замершее в миг дыхание рассеялось меж высоких трав.

– Вы знаете, люди, что слово это не моё, а Рунопевца! Знаете так же, какой силой он обладал, и что всегда при том рёк правду, завещав скальдам не изменять этой традиции во веки веков! – уверенно завершил своё выступление старик, голосу и запалу которого могли бы позавидовать и хрødeборгские юноши. – Я всё сказал. Дальше слово за нашим владыкой. Внемлите!

Лейф поднялся с кресла и сделал три шага вперёд. Вновь ударив Харабанаром оземь, ярл молвил:

– Со мной лишь песни скальда, долг мести, жажда спасти свою любимую да слава предков. Копьё я обращаю против недобитой твари, свившейся в тугие кольца где-то на дне океана. На кораблях своих я отправлюсь искать поганого змея и его чудотворное сердце. Вы же, мужи Хрødeборга, можете остаться на берегу, и я вас в том не упрекну – то моя месть и моя супруга. А можете...

– Я отправлюсь с тобой, ярл! – выпалил рыжебородый Кнуд Калёная Секира, потрясая в воздухе огромным топором, на древко которого он до того опирался. – Мой дед сгинул в тот день вместе с Хеммингом! Все о позабыли о злодеяниях змея... Но я не позабуду никогда. Уж сколько лет

я мечтаю попортить ядовитому ублюдку чешую!

– Наши мечи с тобой, Лейф! – заявили братья Греттир и Гисли Эйнарссоны, демонстрируя толпе клинки в ладно сработанных ножнах. – Сколько Харовинги служили Хродеборгу, столько нам и во век не сослужить. Довершим дело Хара!

– Ярл, возьми и меня с сыном на драккары!

– Можешь положиться на моё копьё, внук Хемминга! Долго ж мы собирались в этот поход...

– А когда плывём? Я жене-то сказать успею?

– Изведём змеиное племя! Долой чудовищ, им место в Ледяной Глотке! Слава ярлу, Харовингам слава!

Лейф, не успевший договорить, уже не мог удержать вспыхнувшего в толпе пожара. Народ распался, забывая обо всём, грозно потрясая оружием и бородами, топчя примятую ветром траву. Тинг превратился в одно сплошное проклятие в сторону Пожирателя Гор и единую хвалу, обращённую к дому ярла.

Олаф Домоправитель утирал шерстяным рукавом слезящиеся от радости глаза. Хёгни Стюрбьёрнссон радостно кричал и прыгал вместе со всеми, надеясь, разумеется, на то, что взрослые возьмут его с собою в военный поход. Хакон Красноуст довольно улыбался, как кот, наевшийся сливок – он снова был нужен людям, ему опять внимали, его идея преобразилась, став призывом к славному походу, о котором, вестимо, будет сложен не один десяток саг и песен. И на вершине этого списка будут его сказания.

Мрачным оставался один лишь Торир-воевода. Хмуря густые брови цвета спелой пшеницы, соратник ярла выступил вперёд и, попросив у тинга внимания поднятой к небу ладонью, произнёс:

– Теперь скажу я, Торир, сын Трюгви Лысого. Поход – дело славное, спору нет, но даже в походе не годится забывать о доме. Уж я-то знаю – сколько морей мы с ярлом избороздили, сколько лодок утхеймской погани пустили ко дну! И вот что я хочу сказать: кто ж управится с Хродеборгом, покуда ярла не будет?

– А почему в прежних походах тебя это не тревожило, Торир? А? – поинтересовался Кнуд Калёная Секира.

– А потому, что прежде мы всегда ведали, когда вернёмся. Неделя. Две или три. А теперь? Одному Хару известно, сколько будем мы гоняться за этой скотиной... и отыщем ли вообще. Что думаешь, Лейф?

Корабельщик, чей лик всё так же лучился спокойствием и уверенностью, положил конец копья на плечо, потёр ладони, а затем дал ответ воеводе:

– Ты прав, Торир. Я о том, конечно, задумывался, ибо не может добрый владыка оставить свой родной двор без примотра и стражи. И потому рассудил я так: в поход пойдёт лишь три сотни человек, коль столько наберётся.

– Почему так? В Хродеборге и семь, и десять сотен мужей отыщется, что Пожирателю, тьфу, захотят сломить хребет! – выпалил Греттир Эйнарссон.

– Видно, сын Эйнара, что морем ты никогда не ходил. – покачал головой Лейф. – Всё потому, что на двенадцати самых быстроходных ладьях моего флота уместится ровно три сотни человек. Ни больше ни меньше. Их я определю честно – жребием. Тот, кто останется, будет хранить наши земли.

– Ты собираешься брать только быстроходные драккары? – уточнил Торир, почесав подбородок под плотными зарослями золотой бороды.

– Да. Я видел, какая польза от больших кораблей супротив змея. – хмыкнул владыка. – Никакая. Со мной отправится сорок семь мужей из числа хускарлов. Последуешь за мной и ты, их воевода, а также Хакон, коему я поклялся на кольце. Оставшиеся две сотни и пять десятков воинов будут приняты в морскую дружину из числа добровольцев.

Красноуст, услышав своё имя, едва заметно качнул головой. При всём своём высокомерии и взбалмошности, он был искренне признателен ярлу за то, что тот не запамятовал о клятве, принесённой старому слепцу. А вот среди членов тинга началось волнение. Кто займёт желанное место на борту ладьи в походе за славой? Кто останется на берегу, облётанный подвигами и мстью?..

– Что же, я тебя услышал, Лейф, – нехотя принял Торир слова ярла, – а что насчёт того, кто будет заправлять Хродеборгом и вершить суд, покуда мы гоняемся по девяти морям за этим недобитком? М?

– Это решать тингу. – пожал плечами Корабельщик. – На

этом месте, на самом первом собрании Хару и его роду доверили правление Хродеборгом. Защиту первого бурга от чудовищ. И ныне тингу придётся выбирать того, кто позаботится о дворе и землях ярла, покуда меня не будет. Однако, прежде чем начнётся обсуждение, я хотел бы сразу предложить своего человека на это место. Довериться моему слову и выбору иль нет – дело каждого.

С этими словами владыка опустил ладонь на плечо стоящего рядом тестя, чем привёл того в замешательство. Очевидно, посланцы Лейфа не сообщили Домоправителю о том, с каким именно намерением зять приглашает родича на тинг. Теперь старик мог лишь хлопать широко раскрытыми глазами, обращая широкое лицо, побелённое сединой кустистых бровей и приглаженных гребешком усов, то к Лейфу, то к собравшемуся на Холме народу.

– Вряд ли найдётся такой человек, который не знает Олафа Домоправителя! Отец моей Раннвейг, некогда ярл Рекрабура, благодаря которому между его землями и Хродеборгом укрепилась дружба. Да что там – я вижу среди вас многих, кто служил Олафу! – усмехнулся ярл.

– Верно говоришь! Олаф был добрым владыкой. Не то, что его сын... – горько вздохнул Гнуп Воришка, которому отрезали ухо и наделили позорной кличкой из-за ошибки на суде ярла Стюрбьёрна Олафссона, перебравшего в тот день тёмного елового эля. – Вслед за Домоправителем я и уплыл на эти земли. И, скажу вам как на духу, не жалеюсь!

– Коли ярл тестю доверяет, то и я поверю! Пусть остаётся за нашими домами приглядывать! – решительно кивнул Кнуд Калёная Секира.

– А мне Олаф на ярловой свадьбе зуб кубком выбил! Крепкая же у него рука, ха-ха-ха! – расхохотался Ржаной Ивар, салютуя Домоправителю медовой чашей. – Такой лапищей он власть в Хродеборге точно удержит. Верю ему!

– И я верю! Уж всяко лучше, чем моему соседу, Бруси, Харовы земли и дворы на попеченье оставлять!

– Я тебя сейчас оставлю с пробитым теменем на попеченье в хате! А ну иди сюда!

Сцепившихся соседей никто не бросился разнимать. Драки были на тинге обычным делом. Вместо этого жители Хродеборга и его окрестностей принялись бурно отдавать свои голоса за Олафа Домоправителя, пока тот лишь разводил руками и бурчал в сторону Лейфа ругательства.

– Вот ведь зятек подсобил... Мало мне Хёгни на шее, да? Теперь ещё и Хродеборг повесили?

– Никому не могу я доверить заботу о Раннвейг и моих землях так, как тебе, Олаф. – со всей серьёзностью заметил Корабельщик, наклонившись к уху тестя. – В первую очередь – о Раннвейг. Она сама не своя последние дни... и всё твердит о смерти. Прошу. Ты нужен мне. Ты нужен ей.

– А известить меня ты не подумал? А? Грх...

– Ты бы отказался.

– Почём знаешь?

– Лишь горизонт оглядев, о волнах суди. Не выведать воли морской у дров в очаге. – изрёк ещё одну древнюю мудрость Лейф. – Ты бы точно отказался, если б не знал всей сути того, о чём будут говорить на тинге. И что тогда? Мне пришлось бы приказать хускарлам тащить родного тестя на Холм, перекинутым через седло?

– Хе-хе, а я бы посмотрел на то, как дедушку на коне увозят к дяде Лейфу! – залился смехом Хёгни, схватившись за живот и запрокинув белобрысую голову. – Вот была бы потеха! Хе-хе-хе!

– Ах ты негодник! – взъярился Домоправитель, щёлкнув дерзкого мальчишку по носу. – Месяц проведёшь без брусничных пирожков! И как дома будем – ух я хворостины не пожалею, помяни моё слово!

– Дядя! Скажи деду, чтоб смиловался! – взмолился Хёгни, потирая нос.

– Увы. Твой дед мудрей и старше меня. И я могу лишь просить его о чём-то. – развёл руками Корабельщик. – Не говорить, не приказывать. Прими свою участь, юноша.

– Ай, да катитесь вы оба к великанам! – замахал руками отец Раннвейг. – Так и быть, Лейф, я не откажу. Коли такое дело...

– Вы слышали Олафа! – тут же воскликнул ярл, обращаясь к тингу. – Он готов взять Хродеборг под своё крыло на время похода! А вы? Готовы признать его?

– Готовы!

– Спрашиваешь, Ярл! Уж всё решено!

– Да! Признаем Домоправителя! Пусть наместничает!

– Пускай бургом заправляет!

Послышался одобрителный гвалт, пересилить который не смог бы и летящий с моря ветер. Высокие травы радостно качались, словно приветствуя принятые на совете решения, явных противников которых так и не нашлось. Ярл из рода Харовингов трижды ударил легендарным копьём о землю, знаменуя тем самым завершение тинга и давая слугам знак выкатить новые бочки, пахнувшие лесным орехом и медоносными бортями.

Участия в общем ликовании не принимал лишь Торир-воєвода, задумчиво поглаживающий густую золотую бороду.

* * *

– Ты решил не ходить на пир? После тинга он всегда бывает.

– Нет. Хотел побыть с тобой. С детьми. Сигню...?

– Сегодня утром жар спал. Она тут же побежала от кроватки до очага. Служанка, что набивала подушки, едва успела её остановить.

Торир, удовлетворённый тем, что младшая из трёх его дочерей пошла на поправку после долгой болезни, снова опустил взгляд, нарочно задержав его на кубке с элем, оседающим на глиняных стенках бледной пеной, и миске с недо-

еденным цыплёнком, запечённым с черносливом. Смотреть на мрачную супругу, напоминающую нынче ель в лесу поздней осенью, было слишком тяжело. Хотелось скрыться от её взгляда. Слова не шли на ум и растворялись на языке, горча, заставляя кривить губы.

– Как мои сыновья? – поинтересовался воевода, чтобы хоть как-то развеять тяжёлый туман воцарившегося в его доме молчания.

– Бьярни опять поколотил Ньяля. Не поделили пряник. А Ньяль... совсем не может постоять за себя. Весь в отца.

Торир опустил тяжёлый молот кулака на наковальню резного стола. Посуда загрохотала, несколько мисок скатилось на пол. Благо, они были вырезаны из дерева, а потому за грохотом не последовало дребезга бьющейся глины.

– Я не потерплю таких речей. Даже из твоих уст. – мрачно заметил Торир, исподлобья взглянув на супругу, которая даже не дрогнула.

– Скажешь, что я не права, муженёк? А кто сегодня ушёл с тинга, снова поджав свой хвост, как побитая собака? Мало ты на своём веку пресмыкался в тени Харовинга, этого самодура на тёсаном кресле! Может, ты и из-за Хакона так лютуешь, потому что всё, что он про тебя говорит – правда? И про твоих покойных родителей...

Воевода, резко встав из-за стола, подошёл к жене и наотмашь ударил её по лицу. Хозяйка ахнула и упала на пол, однако тут же упёрлась коленями в доски и отползла в сторону,

прижав ладонь к горячей щеке.

– Прикуси свой язык, женщина. – прорычал Торир, плотно сжимая губы. – Я сыт по горло твоими укурами! Чтоб ты мне тут ещё вспоминала об этом слепом угре!

– Меня колотить тебе удаётся явно лучше, чем незрячего старика! – с усмешкой прошипела Торирова жена, подсаывая разбитый краешек губы. – Про нашего ярла я и вовсе молчу. Храбрый сын Трюггви готов хоть соль слизывать с подошвы Лейфа Корабельщика!

Воевода вновь замахнулся на супругу, однако та ловко извернулась, схватила стоящий у скамьи расписной горшок и запустила в голову мужа. Раздался запоздавший в этот вечер треск посуды, разлетевшейся на куски после встречи с черепом Торира. Пошатнувшись, едва устояв на ногах и опершись на край стола, Трюггвассон с нескрываемой ненавистью взглянул на спутницу своей несладкой жизни.

– Чего ты от меня хочешь? По чём изводишь каждый раз, как я переступлю порог? Зачем... зачем доводишь до этого?

– Я? Довожу? Взгляни на себя, сын Трюггви! Ты слаб и жалок, и гнев на самого себя изливаешь, поколачивая жену. Я уже отчаялась! Тебе не помочь! – прокричала хозяйка, заламывая руки. – Ты никогда меня не слушал. Ни прежде, ни теперь. И совсем скоро помрёшь вместе со своим юродивым ярлом в брюхе у морского чудовища. Помяни моё слово, Торир! Хотя... может, оно и к лучшему.

– Вот я бы тебя осчастливил, коли б сдох! – злобно усмех-

нулся воевода, утирая тыльной стороной ладони кровавую росу с разбитой горшком брови.

– Пожалуй, жизнь моя и правда стала бы во сто раз лучше! Но ещё лучше она могла бы быть, коль ты б хоть раз меня послушал!

Заревев, точно пробудившийся вулкан, сын Трюгви в приступе ярости смахнул со стола всю посуду, и та цветным дождём вместе с пищей полетела вниз, звучно ударяясь о доски пола и вытоптаннные шкуры.

– Чего тебе не хватает? Мой дом во всём Хродеборге уступает лишь палатам ярла! У нас полны бараки слуг, загоны – скота, амбары – зерна! Я правлю Лейфовой дружиной и вожу его ладьи по морю! Чем ты обделена? Чем?! – кричал Торир, разбивая кулаки о стол и бревенчатые стены.

– Ярл-сумасброд, которого своим словом посадил на трон мертвец из моря, заправляет всем: землями, бондами, тобой... Твоей верностью, твоей жизнью! Скажет пойти в глотку к Бьяргниру – и ты шагнёшь, не колеблясь! Ты не думаешь о семье! Обо мне, о детях... Никогда не думал! Всё, что есть в твоём жалком бытёе – это служение Корабельщику и его дрянным прихотям!

– И что прикажешь сделать? Убить его?!

Дом наполнился звонким, как трескающееся стекло, женским смехом. Торир, осознав, что он только что сказал, нетвёрдо шагнул назад, прижав ладонь к подбородку. Подняв на мужа тёмные глаза, блестящие от выступивших слёз,

хозяйка прошептала:

– Вот видишь... Ты и без меня знаешь ответ. Он сам просится тебе на язык. Но ты слишком слаб, слишком жалок, чтобы признать это. Принять это. Сделать, наконец!

– Замолчи... замолчи, женщина. – прохрипел воевода, мысли в голове которого пустились в безудержный пляс.

– Мама! Мама, у папы кровь? Он ударился? Почему вы кричите?

Торир и его жена одновременно повернулись в ту сторону, откуда доносился слабенький детский голосок. Из-за покачивающегося ковра, служившего пограничьем между спальней и гридней, выглядывала маленькая девочка в одной лишь длинной льняной рубашке, разбуженная криками взрослых. То была средняя дочь воеводы, Тира.

– Папа упал, милая, – попыталась успокоить девочку мать, поднявшись с пола и взяв Тиру на руки, – он последнее время часто спотыкается... Боюсь, ещё одно такое падение – и он уж не поднимется!

– Как Бьярни, когда он сломал ногу? Ну, когда полез на дуб? – поинтересовалась девочка. – Бьярни было больно, он плакал! Я не хочу, чтобы папе было больно!

– Всё зависит от него, моя пчёлка. Только от него.

Бросив на мужа взгляд, полный не то горькой злобы, не то бессилия и отчаяния, хозяйка скрылась вместе с дочерью за пологом, оставив Торира наедине с разбросанными ножами, вилками и черепками. Не в силах больше оставаться до-

ма, воевода развернулся и, пошатываясь от плывущих перед глазами звёзд, вышел за порог, хлопнув тяжёлой дверью.

На дворе погода ярилась так же, как недавно гневался сам Трюггвассон. Чёрные тучи низвергали на землю потоки дождя, тут же присыпая рождённые ненастьем лужи и грязь колючим снегом, таящим, стоило ему лишь коснуться любой поверхности. Торир, убрав с лица мигом намокшие и прилипшие к коже пряди, тяжело вздохнул, подставляя горящий лоб студёному ливню. Холодная вода смешалась с горячей кровью, всё ещё сочащейся из разбитой брови.

Торир, сын Трюгви Лысого, никогда не был счастлив в браке. С самого первого дня супружества дни его наполнились горьким сумраком. Женившись по указке властолюбивого отца, тогда ещё служившего и советовавшего юному Лей-фу, севшему на трон Хродеборга после смерти деда, молодой дружинник стремился как можно меньше времени проводить дома, отдавая всего себя походам, сражениям с утхеймцами, возведению крепостей, укреплению флота. В общем, всему тому, что гордо именовалось «служением». Редкими проблесками счастья в родных палатах были дни рождения его отпрысков: двух сыновей и трёх дочек, которых Торир любил куда крепче их матери. Поначалу супруге было всё равно, однако с годами её безразличие дало побег ненависти. Каждый визит воеводы к домашнему очагу заканчивался ссорой, а иногда – дракой. На службе же воевода никогда не показывал ни словом, ни жестом, ни взгля-

дом того, что деялось у него в семействе. Сам Лейф, считавший сына Трюггви вернейшим из друзей, не подозревал, как горько живётся предводителю его хускарлов.

Усталым движением упавшей ладони Торир смахнул скопившуюся на бровях, в бороде и усах влагу. Затуманенный взор его невольно обратился к возвышению, на котором посреди бури горел тёплыми огнями чертог Харовингов. Там сейчас наверняка вовсю гремит славный пир...

«Папа упал, милая, он последнее время часто спотыкается... Боюсь, ещё одно такое падение – и он уж не поднимется!».

* * *

На лице ярла впервые за долгое время красовалась улыбка. Не кривая ухмылка, не оскал, а искренняя улыбка, исполненная долгожданной радости. Не слишком широкая... но всё-таки!

Средь туч забрезжил свет солнца. Появилась надежда. Призрачная, овеянная кошмарами прошлого и смертельными опасностями будущего, требующая высочайшей ответственности... но всё же надежда!

Прикрыв глаза, Корабельщик медленно вращал кистью, катая ореховый мёд по стенкам рога. Он внимательно слушал, как верные хускарлы на пиру обсуждают грядущий поход и решают, кто из их числа отправится вместе с владыкой.

Выбирать решили жребием, как и добровольцев среди вольных ратников Хродеборга. Сотня с лишком лент, собранных юными северянками. Сорок семь синих, остальные белые. Тот, кто тянул синюю ленточку, отправлялся в поход вместе с ярлом. Те же, кому попадалась белая, становились под начало Олафа Домоправителя, сидящего у блюда с брусничными пирожками, и продолжали хранить Хродеборг и его жителей.

Мешок для жребия, куда были сложены ленты, должен был носить Торир Трюггвассон. Но на пиру его не было – сославшись на желание провести последние дни перед походом с женой и детьми, он ушёл сразу после торжественного завершения тинга. Поэтому мешок вручили Хакону Красноусту, отзывавшемуся на голоса хускарлов и направлявшемуся в соответствующую сторону пиршественного зала. Слепец с громким и весьма красноречивым недовольством встретил это назначение, ибо за столом остывало его подогретое вино. Однако деваться было некуда. Он по собственной воле прибыл в палаты ярла и заставил того дать клятву на кольце, и посему теперь должен был подчиняться его указам.

Раннвейг, почтившая пир своим присутствием, безмолвствовала, сидя, как обычно, по левую руку от мужа. Она была всё так же бледна и печальна. Тем не менее, кое-что Лейфа в поведении супруги всё-таки удивляло. Приподняв потяжелевшие от мёда веки, Харовинг покосился на жену и еле слышно произнёс:

– Я думал, что когда ты узнаешь о моём решении, о тинге, ты... ну...

– Что? Буду вас отговаривать, мой ярл? Просить остаться, не идти на верную гибель?

– Хм, ну... в общем, да. – замялся Лейф, краем глаза наблюдая за тем, как один из хускарлов, вытянув белую ленту, разочарованно разбивает о лоб кубок с грушевым сидром.

– Это бесполезно. Вы ведь уже всё решили. И народ всё решил. А я... а я... очень устала. – вздохнула ярлскона, опустив красиво очерченный подбородок к редко вздымающейся от тихого дыхания груди, украшенной серебром и янтарём подаренного супругом ожерелья.

– Послушай, Раннвейг. Я...

– Видимо, такую горькую судьбу уготовили нам боги. Видимо, кто-то из нас отправится к ним раньше, и изменить это никому не под силу. – тоскливо продолжила девушка. – Будь у меня хоть на песчинку побольше смелости да сил в достатке, и я вонзила бы себе нож в сердце! Бросилась бы на копьё! Лишь бы сберечь вас, муж мой... лишь бы не дать вам сгинуть в море!

Раннвейг Олафсдоттир тихо заплакала, опустив свой прекрасный лик ещё ниже. Задрожала, дождём рассыпав по плечам золотые пряди. Лейф покачал головой и наклонился к жене, мягко обнял её, опустил ладонь на затылок, прижав к себе. Она прильнула к нему в ответ, и дрожь её постепенно ушла. Хускарлы, продолжавшие тянуть жребий и моло-

тить по столу рогами да кубками, не замечали этой сцены. Из всех собравшихся за ярлом и ярлсконой наблюдал лишь Олаф Домоправитель. Старик печально улыбался, глядя на снедаемую хворью, плачущую дочь... и на великого ярла, потомка Хара, утешающего её. Готового пойти на всё, чтобы помочь.

Ни на секунду бывший владыка Рекрабура не усомнился в том, что выдал старшую и прекраснейшую из своих дочерей за правильного человека.

– О смерти не думай: каждому срок свой отмерен до часа кончины. В штормах познаётся ладья, в борьбе – человек. – твёрдо и уверенно сказал Корабельщик, вплетая кончики пальцев в локоны любимой. – Я вернусь к тебе со снадобьем, любовь моя. И с победой. Всё, о чём я прошу – это вера. В меня... и в то, что ты будешь жить. Пообещай мне! Поклянись на кольце!

– Я... муж мой, я...

– Поклянись на кольце, Раннвейг! Только так ты не дашь мне сгинуть и убережёшься сама до возвращения кораблей! Поклянись мне! – горячо настаивал ярл, склонившись к самому уху супруги.

Дева, уронив последнюю слезу и утерев слегка порозовевшие щёки краем накидки, сняла узорчатое серебро обручального кольца и, крепко сжав его в дрожащих пальцах, зашептала:

– Я, Раннвейг из Рекрабура, дочь Олафа Домоправителя,

даю тебе, муж мой, своё слово и крепкую клятву. Клятву в том, что буду верить в тебя и твою великую победу...

– И в то, что ты будешь жить, Раннвейг! В то, что мы одолеем твою болезнь! Скажи это!

– ...равно как и в то, что ты исцелишь меня, и я буду жить. Да будут боги свидетелями, что слово моё нерушимо, и да буду я проклята, коли обману тебя.

Лейф, сжав горячими перстами холодные пальцы жены, выдохнул и удовлетворённо кивнул. Затем он раскрыл ладонь супруги, взял обручальное кольцо и мягко вернул его на место, надев на безымянный палец ярлсконы. В этот миг пиршественный зал содрогнулся от могучего вопля, подобного медвежьему рёву. Харальд Косматый, здоровенный темновласый хускарл, вытянул последнюю, сорок седьмую синюю ленту. Это означало, что жребий брошен, и судьбою выбраны те герои, которым суждено отправиться по голову Бьяргнира Пожирателя Гор.

– Всё! – крайне раздражённо буркнул Старейший из скальдов, добравшись до своего кресла не без помощи служанки и обессиленно рухнув в него. – К великанам такой отбор! И где только носит этого ишака Торира, который должен был лентами и хускарлами заниматься?! Пха!

– Без жребия не обойтись, старый друг. Сам понимаешь, если б я отбирал хускарлов лично, то мужи, на которых не указал мой перст, обиделись бы! А судьба... Ха, на неё не обидишься. Пред горнилом рока все равны. – с улыбкой за-

метил Корабельщик, продолжая держать ладони жены, грея и мягко пожимая их. – Испей вина да отведай горячих калачей с тающим маслом... Отдохни хорошенько. Ведь завтра тебе предстоит вручать жребий ещё двум сотням и пяти десяткам отважных бондов Хродеборга!

Хакон, закатив глаза, тяжело, обречённо застонал, как подбитый рогатиной вепрь. Эта беседа вызвала улыбку на лице Раннвейг, она тихо засмеялась, чего с ней не случалось уже очень давно. В ответ на это шире улыбнулся и её муж. Кажется, беспокоясь о супруге и его походе, ярлскона действительно стала верить в будущее. Мысли о болезни и смерти медленно отползли в тень.

– Я благодарен всем, кто нынче тянул жребий. И буду благодарен до конца времён. – сказал владыка из рода Харовингов, поднимаясь с трона и поправляя плащ на плече, а затем передавая опустевший рог виночерпию, наполнявшему посуду ярла в отсутствие воеводы. – Может показаться, что вся слава и почести достанутся тем, кто уйдёт со мною в море... Но это не так.

Расположившись лицом к длинному столу, за которым пировали его дружинники, а спиной – к жарко пылающему огню, на котором кипели котлы с мясом, ярл поднял ладони и продолжил:

– Тот, кто останется в Хродеборге, продолжит исполнять клятву, данную мне. Продолжит нести службу! Вы, братья, опора наших земель и моего рода. Вы храните порядок и бла-

годенствие. И вы продолжите нести это бремя с честью. Так же, как несу его я. Так же, как будет нести его в моё отсутствие Олаф! Выпьем за это! Skål!

– Skål! – в один голос заревели хускарлы, вставая со скамей, вздымая к стропилам полные рога и чаши.

Хёгни Стюрбьёрнссон, пользуясь тем, что дед его отвлёкся, стащил с блюда три или четыре брусничных пирожка, сунув их за ворот рубахи. Вслед за этим он на четвереньках пробрался под столом к тому месту, где сидела Раннвейг, его тётя, забравшись на колени владычицы. Ярлскона тихо ахнула от неожиданности, однако уже в следующий миг обняла племянника. Тот с важным видом жевал добытые в бесстрашном набеге пирожки, слушая, о чём говорят взрослые.

Озорной сын её скверного брата, Стюрбьёрна, на которого мальчик вовсе не был похож ни нравом, ни повадками, всякий раз при встрече напоминал Раннвейг о том, что и у неё с Лейфом могли бы быть наследники... Так же, как напоминали о том игривые рыбки в саду за чертогом Харовингов.

Однако сейчас эта мысль почему-то не откликалась болью в сердце тоскующей из-за недуга девушки. Клятва, которую её заставил дать супруг, тот жар и решимость, с которой он шептал слова непоколебимой веры над ухом, сделали своё дело. Дочь Олафа Домоправителя сделала ещё шаг, отдаляясь от пропасти, в которой хищно скалилась смерть.

– Это, впрочем, ещё не всё, что я хотел сказать. – вздохнул ярл, отпив из вновь наполненного мёдом рога. – Поход за

сердцем и головой Бьяргнира. Вот, что должно тревожить нас сейчас!

– Чего бояться этой твари? Пустим смрадного выродка на ремни! – прогремел Ёдур Хальвданссон, самый молодой из хускарлов, едва не попав кубком в плошку с опятами.

– А я бы на твоём месте всё-таки поостерёгся! – хмыкнул Лейф. – Заносчивость в море и в брани – вот худший враг неумудрого мужа. Из тех, кто ныне топчет льды, а не пирует вместе с Харом в залах предков, я один видел Пожирателя Гор своими глазами. Я знаю, на что способна эта тварь. Помню. И не забуду никогда.

В пиршественной зале воцарилось молчание. Многие из тех, кто нынче сидел за ярловым столом, три десятка зим назад были совсем ещё юнцами, как и их владыка. Тем не менее, в памяти у каждого запечатлелся день скорби. День тризны по сгинувшим в море пяти сотням отважнейших воинов, вступивших в неравный бой с древним змеем, совершенно неготовых к тому, что со дна Ледяной Глотки может что-то подняться. И не просто что-то. Бьяргнир был злейшим врагом Хара, а значит и всего рода людского.

– Славнейший из хускарлов моего деда, Онунд Китобой, бросился со скалы, как только я освоился на престоле и встал на ноги. Он не смог пережить увиденного. Не смог жить с тем, что ему пришлось оставить Дубового Ярла на растерзание чешуйчатой нечисти! – напомнил Лейф известную всем историю. – Храфн и Краки, гребцы, что спасли меня по ука-

зу Хемминга, сторели в хате на одном из хуторов к югу от Хродеборга пятнадцать зим тому назад. Местный годи сообщил мне, что поджог, верно, свершён был изнутри. Стоит ли сказать вам ещё что-то на этот счёт?

Ярл помотал головой и сделал большой глоток мёда. Хускарлы безмолвно последовали его примеру. Тем самым они вновь поминали павших товарищей и предков.

– Тварь, по чью голову мы отправимся, коварна, опасна и живуча. Многие не вернутся из этого похода. Нам придётся сравниться в силах с самим Харом, чтобы одолеть чудище-змея и вернуться в Хродеборгсфьорд с его головой. Домой, к семьям, ко дворам и камням предков. – молвил владыка, крепко сжав кулаки, расхаживая из стороны в сторону и заглядывая в глаза каждому, кто этой ночью сидел за столом. – Теперь я спрошу вас ещё раз: вы готовы идти со мной за Пожирателем Гор? Готовы положить жизни, отдавая долг, исполняя клятву?

– Это долг каждого, кто пирует здесь, ярл! Мне жаль братьев, не попавших со мной на драккар. Я буду счастлив костью встать в глотке у выроodka, проглотившего моего отца и двух дядьёв! – воскликнул Харальд Косматый, ломая толстую баранью кость, точно соломинку. – Смерть твари! Веди нас за собой, Лейф!

– Веди! Отмсти! Веди! Отмсти!

– Хвала Лейфу! Слава Харовингам!

Несмотря на мрачный рассказ ярла, настрой воителей ни-

чем не отличался от того, которым встретили Корабельщика бонды на Холме Тинга. Лишний раз убедившись в преданности и рвении своих отважных воронов, волков да медведей, Харовинг с нескрываемой гордостью во взгляде сделал шаг вперёд и поднял рог так резко, что оттуда вылилась часть священного питья.

– Skål, братья! Skål, мои воины! – прогремел вождь, потрясая кулаком, распаяя пирующих. – Мы одолеем чудовище! Мы вернёмся домой! Предки улыбнутся нам из своих чертогов, довольные мезью!

– Да! Да! Да! Skål! – гремела гридница.

Кричал весь собравшийся люд. Даже юный Хёгни – и тот голосил вместе с воинами и мореплавателями, отложив недоеденный пирожок. Раздавался звучный голос поднявшегося с кресла Хакона, мечтавшего о гибели Бьяргнира со дня его пробуждения – змей погубил Хемминга, которому Красноуст был обязан своим положением при дворе и множеством спетых саг. Хрипло выкрикивал слова Олаф, ударяя по столу кубком – сейчас он чувствовал себя дома поболее, чем в родном Рекрабуре, где хозяйничал его сын. Тихо шептала молитву Раннвейг, снова прося богов о помощи и милости. О том, чтобы они спасли её мужа и всех, кто шёл за ним.

За стенами чертога владыки всюду бушевало ненастье. Небеса гневались, не в силах дотянуться до славного пира ни трескучими росчерками молний, ни стонущими круговертя-

ми выюги, ни сокрушительными шквалами мокреди.

Он пришёл в себя на холодной отмели, стоя по колено в воде, чёрной не то от растворённой в ней крови, не то от сгущающегося в воздухе мрака. Под стопами что-то зловеще скрежетало и перекатывалось, напоминая крупные шершавые камни. Из водной мути тут и там торчали сгнившие, поросшие водорослями и раковинами моллюсков остовы кораблей. Их полощущиеся на ветру, пожелтевшие и позеленевшие паруса были ещё одним доказательством того, что они лежат здесь уже не один десяток зим.

Медленно переставляя ступни в тёмной воде, тянущей его вниз, словно трясина, он двинулся вперёд, время от времени хватаясь за размокшее гнилое дерево, чтобы перевести дух. Ветер плакал по ком-то, стонал, ударяясь об останки давно сгнувшего флота. Каждый удар отзывался протяжным скрипом, присвистом. Дышать было тяжело. В воздухе пахло смертью.

«Хавр»... Руны, вырезанные на борту самого большого из остовов, поведали ему, что деревянные кости некогда принадлежали драккару его деда. Ныне же судно – или, вернее,

то, что от него осталось – напоминало сломанный пополам, обглоданный скелет огромной рыбы. Местами останки ладьи были завернуты в отсыревшую парусную шерсть, имевшую вид облезших пластов кожи. Мачта была раздроблена, точно боевое копьё. Древесина чернела от вьёвшейся крови.

С тяжёлым сердцем и невыносимой болью в груди, саднящей от нехватки воздуха, он продолжал свой путь. Мрачное, жуткое безмолвие, царившее на этой гиблой отмели, оглашалось лишь треском того, по чему он ступал, да тихим плеском воды. Поле остовов закончилось, драккары исчезли из виду, скрывшись под водой, словно затянутые хлябью утопленники. Одна лишь ненасытная смерть не покидала этого забытого людьми и богами места.

Сразу за кораблями со дна стали подниматься, будто деревья, каменные изваяния. Они чем-то напоминали богов на капище в горах у Хродеборга, однако в них не чувствовалось той тяжести, того холода и пустоты, какими были наделены Каменные Боги. Здешние истуканы напоминали скорее иссохшие, выщербленные, накренившиеся столбы, рассыпанные по отмели, точно игральные кости по столу рукой пропойцы. На щербатых поверхностях этих столбов застыли в жуткой агонии грубые лица, вытесанные несколькими небрежными ударами. Казалось, они вот-вот завоюют, заплачут, начнут голосить на сотню разных ладов...

Но то были не столбы, а ветер, слепо бродивший меж ними.

Он подошёл к самой высокой фигуре, коснулся ладонью. Истукан своими размерами уподоблялся надвратной башне. Страшный лик и грозный взгляд заставляли сжиматься, втягивать голову в плечи... и в то же время наполняли сердце невыразимым уважением и благоговейным трепетом. Внезапно кожу обожгло, камень под пальцами вспыхнул и оплавился тремя рунами. Три знака, сложившимися в имя.

«Хар...» – прочёл он, отнимая зудящую обгоревшую ладань.

Следом за изваянием первопредка из чёрных вод поднялось другое, пониже, однако не менее грозное. Тёмные капли, стекая по щербатому камню, очертили семь новых рун, оказавшихся ещё одним именем.

«Хемминг...» – раздался шёпот в его голове.

Он упал на колени, схватился руками за воду, проваливаясь ниже. Отныне было непонятно, чей голос звучит в мыслях, накатывает на стенки черепа холодной волной. Его ли? Чей-то ещё?

Над отмелью скорби и сумрака вихрем разнеслись гибельные миазмы. То было и моровое поветрие, и смрад скотобойни, и гниль болот, и зловоние разлагающихся трупов. Вся мерзость мира от начала времён слилась в этом вихре воедино. Тяжёлый дух путал мысли, от него глаза лезли на лоб, в животе нехорошо клокотало, а конечности сводило тянущей болью.

Он хорошо помнил этот запах. Так же хорошо, как и звук,

последовавший за ним.

Сначала кругами, затем волнами пошла вода. Наконец стало ясно, что всё это время стопы его бороздили кровавые зыби, под которыми щедро были рассыпаны кости, черепа, доспехи и оружие, затонувшие много десятилетий тому назад. Само дно, усеянное останками, пришло в движение, качаясь, гремя и треща, будто обрушающийся айсберг. Увязая в месиве из костей и металла всё глубже и глубже, он не мог найти в себе сил, чтобы подняться, развернуться, убежать...

Дыхание упорхнуло испуганной птицей. Дрожал теперь весь мир. Даже воздух, густой от смрада, зашёлся лихорадочной тряской.

Небо расколосось, услышав крушение гор и плач земли. Камень бился о камень, железо о железо, чешуя о чешую. Всё вокруг ходило ходуном, шаталось и скакало в безрассудном танце близящейся смерти. Изваяния предков давным-давно рухнули в море, рассыпавшись в пыль. Из клубящейся мглы показалось безобразное грязное тело, конца которому не было видно ни на земле, ни в море, ни на небе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.